91
С-55

Труды Владимірскаго Общества Любителей Естествознанія.

Приложеніе къ тому 3, вып 2.

Крс 41563
Кр. 63.51(2)
С-55

СВѢДѢНІЯ

ПО

этнографіи Владимірской губерніи.

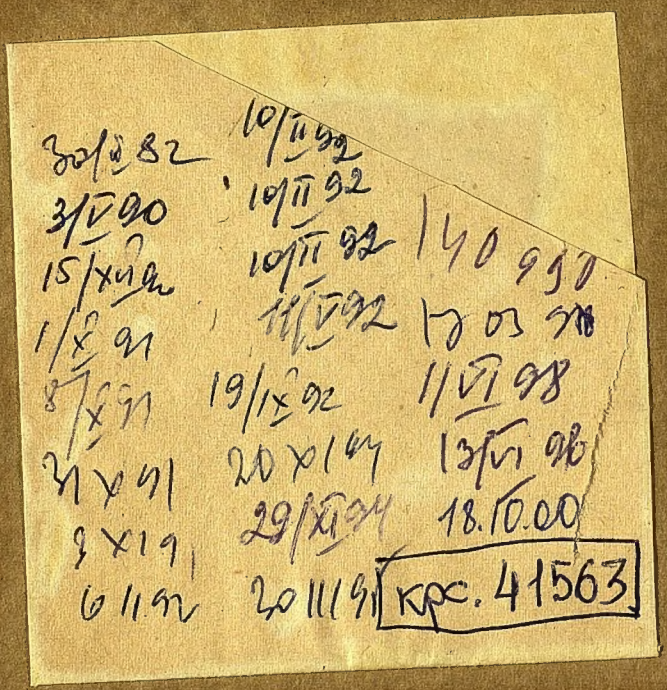
ВЫП. I.

Н. Соболевъ.

I. Свадебный обрядъ въ Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.
II. Обряды и обычаи при рожденіи младенца и колыбельныя пѣсни Владимірской губерніи.

ЦѢНА 35 КОП.

г. Владиміръ,
Тип. А. П. Лентьевой.
1912.


Крс. 41563

24/IX 73 6/II 94 20/I 97
13/XII 94
10/IV 80 19/I 95 23/I 97
1/XII 90 2/II 95 12.03.98
9/XI 91 5/VI 96 9.01.99
23.12.95 5.01.97 29.06.99
2.02.96 25/I 97 07.10.99
13.04.00
27.10.01
27.10.01
16.09.97
7.07.98
18.12.04
23.01.05
26.01.05
24.10.05
19.11.05
2009
2010

1.02.99
21.05.02
21.05.02
28.01.04
01.04.04
28.01.06
2010

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

Книга должна быть возвращена не позже указанного здесь срока

Колич. пред. выдач

2011
2012

91
С255
Этнограф

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯДЪ

въ Судогодскомъ уѣздѣ

Владимірской губерніи.

415Б3 Ф
О
Т
4 11
162
4

Г. Г. ВЛАДИМІРЪ.
Тип. М. П. Леонтьевой.
1912 г.

Кр. 63.51(2), 019
С-55

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Свадебный обрядъ въ Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. . . 3

Обряды и обычаи при рожденіи младенца и колыбельныя пѣсни Владимірской губерніи 41

ВВЕДЕНІЕ

къ этнографическимъ матеріаламъ, собраннымъ Владимірскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія.

Никто не станетъ отрицать того, что человѣкъ—сынъ окружающей его природы. Природа, среди которой человѣкъ родится, живетъ, работаетъ и умираетъ, оказываетъ на него самое могучее вліяніе. Подъ вліяніемъ природы, подъ вліяніемъ ея непрерывныхъ воздѣйствій складывается индивидуальный характеръ человѣка, устанавливается отношеніе и къ самой природѣ, и ко всѣмъ окружающимъ человѣка предметамъ,—одушевленнымъ и неодушевленнымъ,—создается то, что извѣстно подъ именемъ матеріальной и духовной культуры человѣка. Природа, окружающая человѣка, создаетъ и то, что называется бытовымъ характеромъ цѣлой народности. Въ силу этого, каждому научному работнику, каждому общественному дѣятелю, для всесторонняго освѣщенія вопросовъ, подлежащихъ его изученію и освѣщенію, не должно ограничиваться однимъ узкимъ штудированіемъ предметовъ своей спеціальности, а необходимо—изучать и изслѣдовать вліяніе этихъ спеціальныхъ предметовъ на человѣка, на укладъ его жизни, на его индивидуальность и общественый бытъ. Только при такомъ взглядѣ каждаго изслѣдователя спеціальность его пріобрѣтаетъ жизненное значеніе, только при такомъ отношеніи каждаго изслѣдователя къ объекту его изслѣдованія возникаетъ то взаимодѣйствіе, гдѣ и изученіе отдѣльныхъ частностей является прочнымъ и твердымъ фундаментомъ общественности. Тогда каждый спеціалистъ принимаетъ непосредственное участіе въ строительствѣ общей жизни, получаетъ въ ней свое значеніе, исполняетъ „долгъ, завѣщанный ему отъ Бога“.

Владимірское Общество Любителей Естествознанія, имѣя объектомъ своей ближайшей работы непосредственное познаваніе и изученіе природы Владимірской губерніи, по мѣрѣ развитія и углубленія своей работы, обратило вниманіе и на мѣстный этнографическій матеріалъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, какъ на то, что является результатомъ уже установившагося воздѣйствія Владимірской природы на мѣстнаго жителя. Конечно, Владимірское Общество Любителей Естествознанія, приступая къ такой работѣ, вполнѣ сознавало и сознаетъ, что предметъ этнографіи обширенъ, глубокъ и что Обществу, при его малыхъ силахъ и средствахъ, не исчерпать всѣхъ предметовъ мѣстной этнографіи. Поэтому оно смотритъ на свою работу главнымъ образомъ съ точки зрѣнія собиранія, накопленія и храненія сырыхъ этнографическихъ матеріаловъ, предоставляя пользованіе ими какъ членамъ своего Общества, такъ и другимъ лицамъ, интересующимся этнографіей Владимірской губерніи. Помѣщаемыя ниже работы о. А. Н. Соболева свидѣтельствуютъ о томъ, что среди членовъ Общества имѣются лица, интересующіяся мѣстной этнографіей, посвящающія ей свое время и досугъ. Конечно, Общество сознаетъ, что эти работы далеко не исчерпываютъ во всей широтѣ затронутаго ими предмета, но все же, какъ матеріалъ, представляютъ нѣкоторую цѣнность. Въ этомъ отношеніи Общество дѣлаетъ то, что является для него посильнымъ и возможнымъ.

Свадебный обрядъ

въ Судогодскомъ уѣздѣ,

Владимірской губерніи.

Ничто такъ не освѣщаетъ намъ жизнь простого русскаго человѣка, какъ созданные имъ самимъ обряды и его безъискусственная, но льющаяся изъ глубины души поэзія.

Иностранцы удивляются художественности, свѣжести и богатству русской простонародной поэзіи; они удивляются обрядамъ, находя въ нихъ глубокій смыслъ; они любуются простонароднымъ русскимъ творчествомъ, но мы, русскіе, мало цѣнимъ нашъ обрядъ, мало знаемъ свою простонародную поэзію и большею частію относимся къ ней съ пренебреженіемъ.

Для многихъ русскихъ интеллигентовъ иностранная литература даже теперь, когда у насъ есть „свои“ великіе писатели и поэты, лучше знакома чѣмъ своя родная, русская; что же говорить о знаніи той пѣсни, которую поетъ простой мужикъ или баба, выливая въ ней свою душу. Это великій грѣхъ передъ родиной! Русскій человѣкъ—интеллигентъ, поступая такъ, позабываетъ, что онъ русскій, а не иностранецъ. Онъ долженъ исправить свой грѣхъ, вѣками накопившійся на немъ, долженъ стряхнуть его съ себя и долженъ заглянуть въ глубь народной жизни, понять народную душу и только тогда будетъ возможно на Руси то великое строеніе національнаго дѣла, которое создавало сильныя государства съ одной душей, съ однимъ сердцемъ.

Заглянуть же въ жизнь простого русскаго народа, повторяю, нѣтъ ничего легче и пріятнѣе, какъ обратиться къ простонародной поэзіи и обряду. Пѣсня, которую распѣваетъ на улицѣ крестьянская дѣтвора, пѣсни старухи, убаюкивающей своихъ внучатъ, пѣсни дѣвицъ и парней въ хороводахъ, на вечеринкахъ, свадьбахъ, пѣсни, которыя звучатъ то грустью, то безшабашнымъ удальствомъ, то обрядовой серьезностью, наконецъ, похоронная причеть родичей по дорогомъ умершемъ или умершей, свадебныя игры, различные обряды,—все это такъ полно охватываетъ жизнь простолюдина со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, со всѣми ея случайностями, что съ богатствомъ и разносторонностью этого содержанія не сравняется ни поэзія, ни проза лучшихъ нашихъ поэтовъ и писателей. А какъ часто въ простонародной поэзіи или обрядѣ выливаются глубокія мысли и чувства, какъ иногда въ нихъ ярко блеститъ остатокъ глубокой языческой старины; когда нашъ предокъ жилъ съ природой въ тѣсной дружбѣ, понималъ ее по ана, логіи со своимъ ссбственнымъ существованіемъ, когда боготворилъ ее, молился ей, вѣрилъ въ нее, считалъ ее не мертвой буквой, а живымъ для себя словомъ и понималъ ее.

Все это не есть ли лучшій предлогъ, чтобы заглянуть въ крестьянскую избу, пройтись по широкой улицѣ деревни, вдохнуть въ себя ароматъ народнаго творчества и извѣстить о немъ другихъ? Народный обрядъ, народную поэзію нельзя вырвать изъ жизни, потому что они крѣпко вросли внее, они завянутъ, какъ цвѣтокъ, и потеряютъ всякую прелесть свѣжести

и жизненности, если ихъ оторвать отъ жизни народа. Но годы стираютъ многое, многое пропадаетъ и изъ народной поэзіи, гибнутъ и обряды, поэтому нужно прилагать старанье сохранить ихъ хоть на бумагѣ для грядущихъ поколѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность наукѣ лучше разобраться въ прошломъ народа и лучше понять его душу.

Имѣя ввиду сказанное, я предлагаю, со своей стороны, описаніе свадебнаго обряда Судогодскаго уѣзда.

Сговоръ

Сватанье невѣсты въ Судогодскомъ уѣздѣ происходитъ, обыкновенно, ночью. Сватья, нарядившись въ праздничные костюмы, приходятъ въ домъ невѣсты, молятся на иконы, дѣлаютъ хозяевамъ дома поклонъ и начинаютъ говорить: „Пришли мы въ гости къ вамъ, купцами обрядились, отъ дѣла лытаемъ, а дѣла пытаемъ. У васъ товарецъ есть, а у насъ молодой купчикъ-голубчикъ; давайте товаръ нашему купчику-голубчику,—сроднимся, подружимся“ [1]). „Милости просимъ, сваты желанные, хотя и нежданные!“ — говорятъ родители невѣсты,—„милости просимъ! Посбдьтесь! У насъ товаръ не залежный, всегда могúмъ продать. Только какова цѣна будетъ отъ вашей милости?“. Сватьямъ подставляется подъ матицей скамейка, на которую они усаживаются. „Цѣна небольшая“,—говорятъ сватья, садясь на лавку,—„къ невѣстѣ приданое: одежка, сапожки, платки, рукавицы, юбки, салфетки, рушники, рубахи, перина пуховая, подушка пудóва, ярушка съ телушкой да денженокъ краснушка, свадьба ваша, а послѣ молодухѣ хлѣбъ-соль наша“. Таковой шуткой начинается сговоръ. Послѣ нѣсколькихъ каламбуровъ, вродѣ приведеннаго, сваты „въ сурьёзъ“ начинаютъ спрашивать родителей невѣсты, что́ они могутъ дать въ приданое. Но случается, что не за невѣстой дается приданое, а ей его „дѣлаетъ“ женихъ. Въ этомъ случаѣ разговоръ между сторонами мѣняется. Родители невѣсты тогда, обыкновенно, говорятъ: „Купецъ-то, сватья, у васъ гожъ, но и товаръ нашъ хорошъ, чтобъ вамъ его отдать, скажите сколько всего намъ за него можете дать? Сколько одежки? А главное, у насъ положенье: получить съ купца денженками за товаръ вознагражденье. Не осудьте, сватушки, что таковое слово молвили: товаръ-то больно гожъ, какъ же отдать его вамъ въ пустоту, аль за грошъ!“ Услыхавъ таковыя слова отъ родителей невѣсты, сваты начинаютъ говорить сколько они могутъ дать „на столъ“, но при этомъ упоминаютъ, чтобы со стороны родителей невѣсты была въ приданое „удѣлана кровать“ [2]).

„Сладившись“ со сватьями о приданомъ, родители невѣсты крестятся и говорятъ: „Ну инъ будетъ такъ. Ударимъ по рукамъ!“ и начинаютъ поочередно пожимать сватьямъ руки. Послѣ рукопожатья, сватья приглашаются откушать хлѣба-соли. Ихъ изъ подъ матицы сажаютъ въ передній уголъ и угощаютъ, „чѣмъ Богъ послалъ“. Но, обыкновенно извѣщенные ранѣе о приходѣ сватовъ, родители невѣсты предлагаютъ сватьямъ цѣлый ужинъ съ обильнымъ подношеніемъ пѣннаго. При сговорѣ женихъ не присутствуетъ, а потóму родители невѣсты, провожая сватовъ, „наказываютъ“ ему поклонъ: „Иванъ Иванычу (имя жениха) нашъ поклонъ передайте“,—говорятъ они,—„дорогой идите не споткнитесь, чтобъ все было по-хорошему, а то поклонъ

---

[1]) Слова, которыя будутъ приводиться въ кавычкахъ, а также и пѣсни записаны точно со словъ сообщавшихъ съ сохраненіемъ выговора. Сообщали: Зайцевъ Степанъ (с. Ильинское), Анна Петрова (д. Исаково), Дарья Иванова (д. Уваровка), Евдокія Новгородская (жена заштатнаго псаломщика), Саломія Иванова (д. Луканиха), Анна Бѣлоцвѣтова, (с. Ильинское) и многія другія личности.

[2]) Подъ кроватью крестьяне разумѣютъ: перину, подушки, одѣяла, простыни, наволочки.

растеряете. Отъ сглаза берегитесь и на нашу хлѣбъ соль не гнѣвитесь. Прощенья просимъ!".

Послѣ посѣщенія сватовъ, родители невѣсты непремѣнно должны явиться къ жениху „оглядѣть домъ", хотя бы женихъ и невѣста жили рядомъ въ одной деревнѣ. Здѣсь имъ предлагается выпивка съ закуской, а также здѣсь окончательно рѣшается вопросъ о приданомъ и назначается день для благословенія.

Благословеніе и дѣвишникъ.

Благословеніе послѣ „смотринъ дома", не (откладывается надолго, а бываетъ день на 3—4 й. Въ этотъ день родители невѣсты и невѣста, нарядившись въ лучшія одежды [1]) ожидаютъ жениха съ его родителями и родственниками При входѣ жениха въ домъ невѣсты, отецъ невѣсты, обращаясь къ жениху, говоритъ: „Здравствуйте, молодецъ—удалой купецъ! А мы безъ васъ потолковали, товаръ вамъ еще не показали, а позапродали. Теперь вашу милость просимъ самихъ смотрѣть. Просимъ васъ ближе пожаловать. Вотъ вамъ товарецъ нашъ—Дарья Ивановна (имя невѣсты)", и отецъ невѣсты подводитъ „Дарью Ивановну" къ жениху, которой женихъ протягиваетъ руку. Послѣ этого, взявъ жениха и невѣсту за руки, отецъ невѣсты ведетъ ихъ въ другую комнату чтобы „Иванъ Иванычъ и Дарья Ивановна межъ собой сговорились". Пришедшіе же съ женихомъ гости разсаживаются на скамьяхъ, ожидая конца „сговора" ушедшихъ жениха и невѣсты. Черезъ нѣкоторое время женихъ и невѣста являются къ собравшимся и начинается благословеніе.

Обрядъ благословенія заключается въ слѣдующемъ: отецъ жениха беретъ обернутую „рушникомъ" [2]) икону, становится по срединѣ избы и приглашаетъ свою жену встать съ нимъ рядомъ. Женщина, мать жениха, кланяется въ отвѣтъ на приглашеніе своего „законушки" и, взявъ хлѣбъ [3]) съ посыпанной на его верху солью, становится съ нимъ рядомъ. Здѣсь, поклонившись другъ другу еще разъ, родители жениха начинаютъ дѣлать три земныхъ поклона передъ иконами, потомъ, вставъ къ иконамъ спиной, они обращаются къ жениху и невѣстѣ со словами: „Подходите, молитесь!" Женихъ и невѣста вмѣстѣ становятся на колѣни и дѣлаютъ предъ иконой „родителя" три земныхъ поклона. Потомъ они прикладываются къ иконѣ, цѣлуютъ хлѣбъ и соль, а затѣмъ цѣлуютъ „родителей". То же продѣлывается и при благословеніи „нареченныхъ" отцомъ и матерью невѣсты.

По благословеніи жениха и невѣсту сажаютъ въ почетный, „красный уголъ" и начинается въ избѣ „пиръ", во время котораго рѣшается вопросъ о времени свадьбы.

Послѣ дня благословенія, въ домъ невѣсты вечерами начинаютъ собираться дѣвицы „шить приданое" и попѣть пѣсни. На эти вечеринки допускаются и парни, но женихъ ходить не долженъ, ибо, по повѣрью, „послѣ свадьбы у молодыхъ ладовъ межъ собою не будетъ". Въ домѣ невѣсты женихъ появляется только наканунѣ свадебнаго дня, въ „дѣвишникъ", какъ называютъ его крестьяне.

---

[1]) Одежды, какъ на благословеніи, такъ и на свадьбѣ не отличаются чѣмъ-либо выдающимся; во время свадьбы ихъ рѣдко даже чѣмъ разукрашиваютъ (вродѣ лентъ и т. п.), а посему я объ одеждахъ жениха, невѣсты и другихъ участниковъ свадебн. обряда умалчиваю.

[2]) Полотенце.

[3]) Хлѣбъ употребляется пшеничный безъ всякихъ украшеній. Не бываетъ и на свадьбѣ какихъ либо особыхъ обрядовыхъ печеній.

Въ этотъ день женихъ долженъ явиться къ невѣстѣ „съ гостинцами“, которыми служатъ различныя лакомства. Предупрежденная заранѣе о времени посѣщенія жениха, невѣста, въ этотъ день, ожидаетъ своего „суженаго“ у воротъ, а собравшіяся дѣвицы въ домѣ распѣваютъ „Гнѣвливую пѣсню“:

„Много цвѣтиковъ посѣяно,
Да немного ихъ восхаживало.
Много дѣвушекъ во теремѣ,
Да немного оставалося.
У насъ не было измѣнницы,
У насъ не было обманщицы,—
А теперя есть измѣнщица,
А теперя есть обманщица:
Наша Дарьюшка Ивановна—душа—
Говорила: „не пойду замужъ“,
Говорилэ: „не подумаю“,
Говорила: „въ монастырь пойду,
А васъ, дѣвушекъ, съ собой возьму:
Одну дѣвицу во келейницы,
А другую во ларешницы,
А и третью за собой ходить—
Черны четочки на рученькѣ носить“.
Ужъ ты, Дарьюшка измѣнщица,
Ты, Ивановна-обманщица,
Разгнѣвила насъ молодушекъ.
Не надо-ть тебѣ по кустышкамъ ходить,
Не надо-ть тебѣ спотаиваться,
Не надо-ть тебѣ прикрашиваться,
Съ милымъ дружкомъ пѣсней слаживаться,
Ночки темныя прогуливать,
Иванъ Иваныча загуливать.
Осталáсь бы ты молодушкой,
Неизмѣнчивой подруженькой,
Вѣковѣчноей дѣвчушенькой,
Не бѣжала бъ за вороточки,
Не знобила-бъ себѣ ноженьки,
Сердце дѣвичье не ухало-бъ,
Руса косынька осталась-бы,—
Съ нами, дѣвицами, зналась-бы.
А теперя ты измѣнница,
А теперя ты обманщица:
Измѣнила, обманула насъ,
Промѣняла на Иванушку,
Промѣняла на Иваныча.
Ну, да Богъ съ тобою, дѣвица,
Ну, да Богъ съ тобой, измѣнница,
Ну, да Богъ съ тобой, обманщица!“

„Гнѣвливая пѣсня“ поется дѣвушками за столомъ, гдѣ онѣ сидятъ „вплотную“, чтобы женихъ, придя въ домъ, выкупилъ для себя и невѣсты почетное мѣсто—красный уголъ.

Войдя въ домъ и видя занятый дѣвицами красный уголъ, женихъ обращается къ нимъ и, кланяясь, говоритъ:

„Дѣвушки—бѣляночки,
Подружки моей друженьки!
Поростроньтесь-ко манехонько,

Пораскиньтесь ко тихохонько,
Дайте мѣсго мнѣ почтенное
Со княгиней нашей Дарьей Ивановной!"

Дѣвушки не уступаютъ жениху мѣста даромъ, а просятъ за него выкупъ.

„Молодой молодецъ",—говорятъ онѣ —
„Удалой храбрецъ!
Умѣлъ ты дѣвицу украсть,—
Сумѣй и почтенное мѣсто забрать.
Мы, подружки, дружныя,—
Мѣстовъ зря не отдаемъ,
За нихъ прянички беремъ.
Мы и славленье поемъ,
Кто не только княжну взялъ,
А и намъ гостинцевъ далъ
За почтенныя мѣста.
Выкупь, князь удалой,
Тогда пустимъ со княжной!"

Женихъ раскладываетъ передъ дѣвицами принесенныя имъ гостинцы и проситъ ихъ „пожаловать раскушать". Если женихъ богатый, то кромѣ гостинцевъ, онъ даетъ дѣвицамъ денегъ. Получивъ выкупъ, дѣвицы уступаютъ жениху и невѣстѣ красный уголъ и начинаютъ пѣть „Застольную пѣсню".

„При вечери было вечери,
При пиру было пирушечки,
При Дарьюшкиномъ было дѣвишникѣ.
Прилеталъ же тутъ младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На точеную причелинку. [1])
Причелинка обломилася,
Окошечко растворилося,
Наша Дарьюшка испугалася,
Побѣжала по новымъ сѣнямъ,
Закричала: „рóдный батюшка!
Закричала: „родна матушка!"
А ужъ что это за гость пришелъ?
А ужъ что это за молодецъ?"
Это Иванъ Иванычъ—добрый молодецъ;
Ужъ и онъ коли-то съ роднымъ батюшкомъ
Всѣ селы кругомъ проѣхали,
Ни въ едино не заѣхали,
А какъ въ наше село въѣхали,
Всѣ дворы мимо проѣхали,
На Ивановъ дворъ заѣхали,
У Васильича [2]) становилися.
Увидала ихъ тутъ Дашенька—душа,
Обращалася къ родителямъ:
„Привѣть, батюшка, ты дорогихъ гостей,
Привѣть, матушка, Иванъ Иваныча!
Я сама рада была привѣтствовать,—
Умъ въ головушкѣ туманится:
Мнѣ Иванъ Иванычъ очень нравится.

---

[1]) Небольшая жерздочка.
[2]) Иванъ Васильевичъ—имя отца невѣсты.

Вотъ, молодушку, онъ взялъ меня,
Красну дѣвицу за рученьки,
Посадилъ меня за столикомъ
Во красномъ почтенномъ углышкѣ.
Самъ со мною сѣлъ онъ, миленькій,
Разудалый добрый молодецъ,—
Князь честной Иванъ Ивановичъ".

Послѣ пѣсни женихъ благодаритъ дѣвушекъ за пѣніе и спрашиваетъ ихъ, что онѣ подѣлывали: „Не кручинили-ли княгинюшки—Дарьи Ивановны?". Дѣвицы на вопросъ жениха стихами отвѣчаютъ, что онѣ не кручинили княгинюшки, а

„Пѣсни пѣли,
Игры играли,
Рушники ткали,
Платья шили,
Всѣ иголочки переломили,
Князя вспоминали,
Платы ждали.
А ты, князь честной",—говорятъ онѣ далѣе,—
„Махни мошной,
Разступись казной,
Насъ, дѣвушекъ, награди,—
За иголочки заплати!"

Женихъ не вѣритъ дѣвицамъ и проситъ у нихъ доказательства правдивости ихъ словъ. „Вѣрно́ ли,—говоритъ онъ дѣвицамъ,— что вы шили и иголочки переломили? Гдѣ ваше шитье и ломаныя иголочки?" Дѣвицы, въ доказательство своихъ словъ, указываютъ „князю" на убранную постель, на которой иногда лежатъ нѣсколько одѣялъ, наволокъ, простынь (смотря потому, что выговорено было за невѣстой въ приданое) и кладутъ предъ женихомъ нѣсколько, заранѣе изломанныхъ, иголокъ. Женихъ выходитъ изъ-за стола, „разсматриваетъ постель" и платитъ дѣвушкамъ „за иголки". Плата эта бываетъ, различная, смотря по состоянію жениха, но большею частію каждой дѣвицѣ приходится отъ 20 до 25 коп. Получивъ отъ жениха плату за иголки дѣвицы всей гурьбой идутъ въ сѣни, откуда приносятъ сундукъ съ остальнымъ приданымъ (если оно дается) и, поставивши его предъ женихомъ, говорятъ:

„Глянь-ко, князь честной,
Какой сундучекъ большой,
А онъ набитъ казной,
Но не золотомъ,
Но не серебромъ,
Не скаченнымъ
Частымъ жемчугомъ,
А одеженькой
Свѣжохонькой.
Ты разглядывай,
Да выспрашивай:
Кая дѣвка платье шила?
Кая кофточку кроила?
Кая кружево пришила?
Кая глазки истомила?
Много-ль нитокъ изошло
На все эвто богатство́?

Здѣсь дѣвицы открываютъ сундукъ и, показывая на вмѣстимое, продолжаютъ

„Князь удалой,
Соколъ молодой!
Сколь одеженьки нашили,
Сколь иголочекъ переломили,
Сколько нитокъ изорвали?!
За иголочки ты далъ,
А про ниточки не спозналъ,
Что ихъ надоть оплатить,
Чтобъ княгинюшку-Дарьюшку залучить.
Князь честной,
Сударь удалой!
Одежку глядите,—
Насъ, дѣвушекъ, наградите,
За ниточки заплатите!“

Женихъ снова „раскошеливается“ и платитъ дѣвицамъ—швеямъ „за ниточки“. Иногда плата жениха дѣвушкамъ кажется мизерной, и онѣ начинаютъ пѣть „Хаянье жениха“. Вотъ обычный шаблонъ этой пѣсни:

„Приходила сваха смутница,
Приходила же разлучница,
Уговаривала тятеньку,
Уговаривала маменьку,
Чтобы замужъ меня выдали
Въ чужу, дальную сторонушку.
Говорила она тятенькѣ,
Говорила она маменькѣ,
Что чужая-то сторонушка:
Она сахаромъ посажена,
Виноградомъ обгорожена,
Она патокой обливана.
Дворъ-отъ милаго на семи верстахъ,
Всѣ воротички стеклянныя.
Не жила, млада, не вѣдала,
А недавно все спровѣдала:
Какъ чужая-то сторонушка
Она горюшкомъ посажена,
Заботушкой обгорожена,
Горючми слезми поливана.
Дворъ-отъ милаго на семи шагахъ,
На семи шагахъ куриныхъ,
А воротчики щитовые,
Подворотенка лубяная.
Говорили тебѣ, дѣвица,
Говорили тебѣ, красная,
Что давно мы все спровѣдали,
А ты стала намъ измѣнница,
А ты стала намъ обманщица:
Говорила, что замужъ нейду,
Говорила, въ монастырь пойду,
А теперя измѣнилася,
На чего, душа, прельстилася:
На орѣшки, аль на прянички?
На конфетки, аль на яблочки?

На такого нехорошаго,
На такого непригожаго:
На глазастаго, рябастаго,
На ушастаго, носастаго".

Въ это время дѣвицы оборачиваются къ жениху и продолжаютъ:

„Мы не пѣсенку тебѣ поемъ,—
Тебя, молодецъ, выхваливаемъ:
Разступися, подарися ты:
Не рублемъ ты, ни полтиною,—
Золотою только гривною".

Эти слова служатъ припѣвомъ къ дальнѣйшимъ словамъ пѣсни:

„Ужъ ты, молодецъ хорошенькій,— продолжаютъ далѣе
Ужъ ты, молодецъ пригоженькій! дѣвицы пѣсню,—
Говоритъ Дарья Ивановна.
А какой же онъ хорошенькій,
А какой же онъ пригоженькій?
Ты прельстилась, красна дѣвица,
Ты прельстилася, Ивановна,
На распутнаго, ногастаго,
На сутулаго, горбатаго.
Припѣвъ: „Мы не пѣсенку тебѣ поемъ"...
Ужъ ты, молодецъ хорошенькій,
Ужъ ты, молодецъ пригоженькій!
Говоритъ Дарья Ивановна,
А какой же онъ хорошенькій,
А какой же онъ пригоженькій?
Ты прельстилась, красна дѣвица,
Ты прельстилася, Ивановна,
На молодчика красиваго.
У того-то ли молодчика,
У того то ли Иваныча,
На носу-то грибы выросли,
На горбу-то птицы гнѣзда вьютъ,
Изъ ноздрей-то корешки торчатъ,
Изъ ушей то черви выползли".
Припѣвъ: „Мы не пѣсенку тебѣ поемъ"...

Далѣе дѣвицы, обращаясь къ невѣстѣ, поютъ:

„Ужъ ты, дѣвка, не прогнѣвайся,
Что уродину повыбрала,
Инъ за дѣло тебѣ, дѣвица,
По дѣломъ тебѣ, измѣнница:
Говорила, что за мужъ нейду,
Говорила, въ монастырь пойду,
А теперя измѣнилася
И въ уродину влюбилася—
Въ стоеросова Иваныча".

И снова, обращаясь къ жениху, дѣвицы заканчиваютъ припѣвомъ:

„Мы не пѣсенку тебѣ поемъ,—
Тебя, молодецъ, выхваливаемъ:
Разступися, подарися ты:
Не рублемъ ты, ни полтиною,—
Золотою только гривною".

Пѣсня эта рѣдко пропѣвается вся, ибо женихъ, услыхавъ ея первыя слова, старается вознаградить дѣвицъ получше, чтобы онѣ его „не хаяли“ и не вводили „въ конфузъ“, такъ какъ среди дѣвицъ часто находятся „острячки“, которыя вводятъ въ пѣсню новые куплеты, въ которыхъ осмѣиваютъ дѣйствительные недостатки „суженаго Дарьи Ивановны“, а не только „охаиваютъ“ его по обычному „шаблону пѣсни“.

Когда же дѣвицы бываютъ вполнѣ удовлетворены платой жениха „за иголочки и ниточки“, то онѣ поютъ ему „Похвальбу“—это пѣсня, которая черезъ каждые два стиха имѣетъ припѣвъ:

„Ой, розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый!“

Вотъ содержаніе этой пѣсни:

А кто у насъ моденъ?
А кто диликатенъ?
Ой, розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый!
Иванъ князь то моденъ,
Иванычъ-то диликатенъ!
Ой, розанъ...
Манерно вступаетъ,
Сапогъ не ламаетъ.

——

Сапогъ не ламаетъ,
Чулокъ не мараетъ.

——

Какъ на конь садится,
Конь-то веселится.

——

Онъ плеточкой машетъ,
Конь то подъ нимъ пляшетъ.

——

Онъ плеточкой хлыщетъ,
Конь-то подъ нимъ свищетъ.

——

Онъ полями ѣдетъ,
Поля то густѣютъ.

——

Онъ лугами ѣдетъ.
Луга зеленѣютъ.

——

Онъ садами ѣдетъ,
Сады расцвѣтаютъ.

——

Къ двору подъѣзжаетъ,
Дарьюшка встрѣчаетъ.

——

Скинься, мой хорошій,
Скинься, мой пригожій!

——

Давно тебя ждала,
Давно поджидала.

——

Милый не слѣзаетъ,
Сапогъ не мораетъ,

——

Дарьюшка ласкаетъ,
Милымъ называетъ.

Конь подъ нимъ садится,
А онъ веселится

Дарьюшка ласкаетъ,
Крѣпко обнимаетъ.

За ручку примаетъ,
За столикъ сажаетъ.

За столикъ сажаетъ,
Чаемъ угощаетъ.

Кушай, мой хорошій,
Кушай, мой пригожій!

Хорошъ уродился,
Иванычъ красивый.

Хорошъ приглянулся,
Иванъ-то удалый!
Ой, розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый!

Оглядѣвъ приданое и повеселившись немного, женихъ уходитъ, провожаемый невѣстой до калитки, гдѣ они цѣлуются и раскланиваются другъ съ другомъ.

По уходѣ жениха, дѣвушки начинаютъ „рядить красу“. Для красы обыкновенно выбираютъ сучковатое небольшое деревцо. Это деревцо дѣвушки обматываютъ различными цвѣтными бумажками, преимущественно красными и обвязываютъ лентами. „Краса“ въ народѣ считается символомъ непорочности невѣсты. Ее очень берегутъ, боясь, чтобы кто-нибудь не изломалъ, ибо тогда невѣста, въ глазахъ крестьянъ, почитается порочной и съ ихъ стороны подвергается насмѣшкамъ. Иногда случается, что кто-ли бо нечаянно повреждаетъ „красу“, тогда тому человѣку приходится успленно извиняться передъ родителями невѣсты, а жениху и его роднѣ онъ обязательно передъ всѣми собравшимися долженъ объ этомъ заявить и доказать, что „казусъ произошелъ“ нечаянно.

Во время ряженія„ красы“ дѣвицы поютъ различныя пѣсни [1]), а „устроивши красу“, прилѣпляютъ къ ней свѣчи и ставятъ предъ иконами. Родные невѣсты въ это время собираютъ ужинъ, на которомъ присутствуютъ всѣ дѣвицы, рядившія „красу“. Послѣ ужина, помолившись на образа и сдѣлавъ

[1]) Вотъ одна изъ пѣсенъ, которую пѣли дѣвицы въ это время, записанная мной:

„Ужъ ты, Ванька удалой,
Что надѣлалъ надо мной?!
Загубилъ мою головушку
И оставилъ сиротой.
Жива буду,—не забуду,
Жить на улицу пойду,
Писать буду со слезами,
Печать черну приложу,
Всѣмъ подружкамъ разскажу:

всѣмъ общій поклонъ, невѣста подходитъ къ отцу, обнимаетъ его шею и начинаетъ „причитать—вопить“.

„Спасибо́ вамъ, родителъ—батюшка;—вопитъ она,—
„За хлѣбъ, за соль,
Что вскормили меня,
Что вспоили меня,
Въ чужи люди да пріустроили!.
Какъ мнѣ на чужого дядюшку служить будетъ?
На чужую тетушку угодить будетъ?
Чужой отецъ—морозы лютые,
Чужая мать—крапива жгучая;
Чужой отецъ—безъ вины журитъ,
Чужая мать—безъ вины бранитъ.
Не спокинь, родитель, на чужбинушкѣ!
А я тебѣ, батюшка, въ ноги кланяюсь.
Не попомни на меня ни зла, ни грубости,
Положите грубость замѣсто глупости,
А глупость-то вмѣсто младости.
Я за глупость кланяюсь да въ рѣзвы ноженьки
Отъ бѣла лица до сырой земли“.

Невѣста при этомъ кланяется отцу въ ноги. Отецъ поднимаетъ ее, крестить и цѣлуетъ. Отъ отца невѣста идетъ къ матери, которую тоже обнимаетъ и начинаетъ „надъ ней причитать“.

„Ужъ ты ро́дна, ро́дна матушка!
Спасибо́ тебѣ за хлѣбъ, за соль.
Ты вскормила меня для чужихъ людей,
Ты вспоила меня для незнамыихъ:
Про чужого-то дядюшку,
Про чужую-то тетушку.
Не сиди теперь моя, ты матушка,
Поздно вечеромъ, по темнымъ ночамъ,
Ты не жги ка огня свѣтлаго,
Не сжидай меня съ гуляньица,
Со веселаго, съ разгульнаго,
Ни въ ночи поздно́, ни подъ утрышко.
Жди, матушенька, меня съ чужихъ людей,
Со горями со великими.
Спасетъ Богъ тебя, родимая,
За ко мнѣ ли за заботушку.
Не споминь ты злого зла на мнѣ,
Не спомини моей ты грубости.
Ты мою то грубость положи за глупость,
А глупость-то вмѣсто младости,

Ужъ вы, дѣвушки—подружки!
Вы не дѣлайте того,—
Не любите никого.
Я горька, разнесчастна,
Полюбила одного,
Вѣкъ страдаю чрезъ него.
Вѣкъ страдаю, сама знаю,
За что милъ меня забылъ.
Онъ забыть-то не забылъ,
Онъ другую полюбилъ.

Я за все тебѣ кланяюсь низехонько
Во рѣзвы твои да ноженьки,
Отъ бѣла лица да до сырой земли".

Дѣвица—невѣста кланяется и матери въ ноги, которая, рыдая, поднимаетъ ее, крститъ, цѣлуетъ и говоритъ: „Богъ проститъ, дочушка милая. Не забудь меня на старости"!

Если въ дому есть братъ, или братья, то невѣста къ каждому изъ нихъ идетъ поочередно и надъ каждымъ изъ нихъ причитаетъ.

„Ты прости меня, Иванушко, [1])
Не споминь на мнѣ ни зла, ни грубости.
Грубость-то прими замѣсто глупости,
А глупость-то вмѣсто младости,
А я тебѣ въ ноги кланяюсь
Отъ бѣла лица да до сырой земли!"

Невѣста кланяется и брату въ ноги, какъ кланялась и отцу съ матерью Братъ тоже ее поднимаетъ, но не крститъ, а только цѣлуетъ, говоря: „прости и меня, сестричка—Дарья Ивановна!" Если въ семействѣ есть умершій братъ, то невѣста, поцѣловавъ живого брата, снова обнимаетъ его и начинаетъ причитать:

„Размилый ты мой, братецъ—Иванушка!
Ты сходи ка въ село нашенско
Ко старостѣ ко церковному,
Да ко батюшкѣ—попу ко духовному,
Чтобъ ударили въ большой колоколъ,
Не всколыхнется-ли мать—сыра земля,
Не раскроется-ли гробова доска,
Не распахнется-ли бѣлъ тонкой саванъ,
Не раскинутся-ли бѣлы рученьки,
Не возстанетъ ли братецъ Мишенька, [2])
Не придетъ-ли на честной онъ пиръ,
На гуляньице веселое?
Не свѣтла ночь безъ свѣтла мѣсяца,
Не красенъ день безъ красна солнышка,
Горемышно мнѣ безъ Мишеньки.
Ты исполнь, братецъ—Иванушка,
Ты исполнь мою спросьбицу!
А я тебѣ лицомъ крѣпко бью,
Низко кланяюсь до сырой земли".

И невѣста снова дѣлаетъ брату земной поклонъ и цѣлуетъ его. Случается, что въ семьѣ есть умершій братъ, но живого нѣтъ, тогда только что приведенныя слова невѣста „голоситъ", сидя за столомъ, а „проголосивъ" ихъ, дѣлаетъ земной поклонъ передъ иконами [3]).

Причитаетъ невѣста надъ сестрами и снохой, если таковыя есть у нея въ домѣ. Но причитаніи она и имъ кланяется „земно" и цѣлуется съ ними Вотъ какъ невѣста причитаетъ надъ сестрами и снохой.

---

[1]) Имя живого брата.
[2]) Имя умершаго брата.
[3]) Нужно замѣтить, что въ дѣвишники невѣста „вопитъ" только по умершемъ братѣ, но не „вопитъ" ни по отцѣ, ни по матери, если они ушли у нея ad patres.

I. Надъ сестрами.

„Размилы—милы, мои сеструшки,
Спорядовыя мнѣ подруженьки!
Простите́ меня горюшную
Не вспоминьте вы ни зломъ ни вражествомъ,
А я вамъ поклонцемъ бью
Отъ бѣла лица до сырой земли".

II. Надъ снохой.

„Размилая моя, сношка Полинька!
Жила я за тобой приволилась,
По росамъ ходила я обитыимъ,
По тропамъ ходила я нахоженнымъ.
Не попомни ты на мнѣ, сношушка милая,
Ни злого зла, ни грубости,
Ты прими грубость за глупость,
А глупость-то вмѣсто младости.
Не покинь ты родна батюшку,
Не покинь ты родну матушку,
Ни сестричекъ, ни братаниковъ.
Мой-то батюшка больнехонекъ,
Моя матушка старехонька,
Милы братушки молодехоньки,
А сестрички въ недоростушкахъ.
Я одна, одна младешенька,
Вневѣстилась, приподнялася,
И замужъ пошла—васъ оставила.
Не придется мнѣ по росамъ ходить,
По росамъ ходить по обитыимъ,
А пойду то я по мокрой росѣ,
По тропиночкамъ не набитыимъ.
Ты прости меня, сношка Полинька,
Не сочти злого зла на мнѣ,
Не сочти ты ни грубости,
Ты мою-то грубость сприми за глупость,
А глупость то вмѣсто младости
А я тебѣ поклонъ кладу,
Отъ бѣла лица до сырой земли.

Послѣ „причитанья" надъ домашними родственниками, невѣста обращается съ поклономъ и причитаніемъ къ своимъ подругамъ и проситъ ихъ „не помнить на ней ни зла, ни грубости".

Вы подруженьки—дѣвичушки,
Не попомните на мнѣ вы ни зла, ни грубости,— причитаетъ
Зло мое не лиходѣйное невѣста,—
А грубость сочтите за глупость.
Намъ, подруженькамъ, не раздруживаться
И опосля жить не разлучиваться,
Вы примите отъ меня низко́й поклонъ
Со сблагодареньицемъ со великоимъ.

Подруги невѣстѣ тоже кланяются, а одна изъ нихъ, обвивъ шею невѣсты руками, причитаетъ:

Нашъ хорошенькій Иванушка, сынъ Ивановичъ,
Онъ отшибъ себѣ бѣлу лебедушку,
Что лебедушку—размолоденьку тебя, Дарьюшку,
Размолоденьку тебя Ивановну.
Ты зачѣмъ рано, дѣвичушка, вылетываешь?
Не сама, видно, рано ты вылетываешь,—
Выдаетъ тебя родимый батюшка,
Снаряжаетъ тебя родна матушка—
Во чужи люди, во незнамые.
Будетъ чужой свекоръ тебѣ батюшка,
А чужая свекровь да ро́дна матушка,
Мы тебѣ будемъ подружками,
Неча намъ съ тобой дѣлиться, Дарьюшка.
Неча намъ съ тобой не дружно́ жить, Ивановна;
Прими отъ насъ ты поклоньице
Отъ бѣла лица до сырой земли".

Послѣ этого причитанія и поклоновъ подругъ, невѣста близкими подругами провожается спать. Передъ сномъ невѣста должна прочитать „Положо́нную молитву", которая читается такъ:

„Простите меня, лѣса темные,
Рѣки быстрыя, зелены луга,
Шабры мои, шабренычки, [1])
Сестры мои и братія,
Всѣ мои сроднички
И подруженьки любезныя.
Прости и ты, матушка—сыра земля
Спаси, Господь, меня
Отъ врага—супостата,
Отъ лихого человѣка,
Отъ невольныя смерти.
Положи, Господь, страхъ и благочестіе,
Любовь къ Тебѣ и намъ грѣшнымъ.
Пошли, Господь, законъ принять,
Съ мужемъ желаннымъ повѣнчаться,
Съ деверьями, золовками, свекровью, свекоромъ не ругаться.
Благослови, Господи, Своимъ Крестомъ
Многомилостивымъ!"

День свадьбы и послѣсвадебный день.

Въ день свадьбы, невѣста, поднявшись съ кровати и умывшись, идетъ будить своихъ подругъ. Присѣвъ на ихъ „логово", она„ начинаетъ плакаться".

„Размилыя мои, подруженьки!
Вы пробудитесь отъ сна крѣпкаго,—плачется невѣста.
Спалась сладко вамъ темна ноченька,
А мнѣ, подруженьки, вся ночка не уснулася,
Не хорошъ мнѣ сонъ навидѣлся:
Шелковъ поясъ потеряла я,
А на томъ-ли поясѣ три ключика:
Ужъ первый ключъ—воля батюшки,

[1]) Сосѣди мои, сосѣдушки.

А другой-то ключъ—нѣга матушки,
А и третій ключъ—воля дѣвичья.
А и думала я, дѣвицы,
А и думала, подруженьки,
Куда дѣть мнѣ красу дѣвичью,
Что осталась у горюшноей?
Пустить мнѣ красу во темны лѣса—
Краса тама заплутается,
Въ зелены луга пустить—
Она долго загуляется.
Пущу я красу свою по вамъ подруженькамъ
Носитё вы, дѣвицы, красу мою,
Носитё вы не жалѣючи,
Чтобы скоренько износилася,
Чтобы легче мнѣ терпѣлося".

Дѣвицы благодарятъ невѣсту, что она ихъ „пробудила" и, вставши, начинаютъ приглашать невѣсту „помыться въ банѣ, чтобъ чистóй стоять въ церкви и законъ принимать". Отойдя съ подругами немного отъ дома, невѣста, на пути въ баню, причитаетъ:

„Милыя мои, подруженьки,
Какой мнѣ нынѣ сонъ навидѣлся,
Какое горе навалилося!
Я скажу вамъ во-потаюшку,
Безъ отца, безъ матери, безъ братушковъ.
Крута горка подкатилася,
Рѣка быстра подливалася,
Я, младешенька дѣвченочка,
Со своей косою разставалася,—
Не на вѣкъ дѣвичья косынька досталася,
Однимъ часомъ миновалася".

Выслушавъ причитаніе невѣсты, дѣвицы начинаютъ пѣть „Обязательную". Вотъ эта „Обязательная" пѣсня:

„Вострубила трубонька
Рано на зарѣ.
Восплакала дѣвица
По русой косѣ.
Пріѣхала сваханька немилостива.
Стала ея косыньку
Рвать, порывать.
Разорвала косыньку
На двѣ косы.
Положила косыньку
Поверхъ головы.
Вотъ вамъ тутъ-то, косыньки,
Вѣкъ вѣковать,
А тебѣ, Дашенька,
Въ дѣвкахъ не бывать,
А тебѣ, Ивановна,
Немного гулять;
У родима батюшка
Ночки ужъ не спать".

Съ этой „Обязательной" пѣсней дѣвицы доходятъ до бани, гдѣ невѣста только окачивается. На обратномъ пути дѣвицы поютъ пѣсню:

„Не скачите, кони, подъ гору,
Не сломите, кони, голову:
Подъ горой стоитъ березынька,
А на этой на березынькѣ,
Какъ цвѣтетъ, растетъ многохонько
Винограду поле сильнаго.
Какъ перва́ ягода Иванушка,
А вторая ягода Дашенька,
А послѣдни ягоды — мы дѣвушки,
Недозрѣлы мы красотушки.
Пе́рвы ягоды сликуются:
Сынъ Ивановичъ Иванушка
Со Ивановною Дашенькой
Подъ вѣнцомъ на вѣкъ счетаются,
А мы ягодки незрѣлыя
Пиръ веселый имъ задѣлаемъ.

Придя домой и напившись чаю, дѣвицы начинаютъ пѣть различныя пѣсни. Въ это время въ домъ невѣсты приходятъ парни и начинается пѣніе частушекъ, которыя начинаются слѣдующими изъ нихъ:

1. Я по лѣсушку ходила,
Не грибы я тамъ рвала,
Я калинушку ломала
И мила дружка ждала.
2. Мой-то миленькій пришелъ
За кустомъ меня нашелъ,—
Обнялъ, въ губки цѣловалъ,
Обвѣнчаться обѣщалъ.
3. Пришли сваты къ намъ на до́мъ
И бахвалятся купцомъ,
А я все подслушала,—
Сердечко заухало.
4. Пришло время повѣнчаться,—
Въ бракъ вступить въ законный;
Пришло время распрощаться
Съ жизнью беззаботной.
5. Миленькій пріѣхалъ, взялъ
Меня въ тарантасикъ,
И къ попу вѣнчать помчалъ
Милый мой касатикъ.
6. Мы къ церковкѣ подкатили,
Становились у дверей,
Если батька не свѣнчаетъ,
Обвѣнчаетъ енхерей.
7. Милый въ церковь,—я за нимъ;
На подножку стану съ нимъ;
Вѣнчай, батюшка, со мной:
Клялся небомъ и землей.
8. Мы съ миленкомъ повѣнчались,
Съ горы ѣхали домой,
Со сватьями повстрѣчались,
Милъ зоветъ меня женой.
9. Три денька я прожила,
Некручинна я была,
А четвертый день нашелъ,

Помеломъ свекоръ оплелъ.

10. Мнѣ свекровь не по-нутру:
Рано будитъ по утру,—
Вставай, сноха, по́ ходу,
Подь на рѣчку по́ воду.

11. Я косила да гребла,
На копенкѣ плакала:
На лихую мать-свекровь
Дѣлать не потрафила.

12. Годъ съ свекровью прожила
Все не такъ я трафила,—
Меня за́ косу взяла,
Я ей въ лобъ ударила.

13. Не ругай, свекровушка,
Не робка головушка,
Не ругай, родимая,
Вѣдь недавно битая.

14. Ай, батюшки, разбой!
Разлучаютъ, милъ, съ тобой,
Разлучаютъ злые люди,
Какъ малюточку отъ груди.

15. Не вино меня качаетъ,—
Меня горюшко беретъ:
Милъ другую ублажаетъ,—
Меня за косы деретъ.

Частушки молодежью, обыкновенно, заканчиваются пѣсней:

„Кукуетъ кукушечка за садо́мъ,—
Заплакала дѣвица за столомъ;
Сажала подруженекъ высоко́,
А сама-то садилася выше всѣхъ.
Сама себѣ говорила:
Боже мой, Боже мой!
Кто же меня, горькую, утѣшитъ?
Утѣшитъ-ли, нѣтъ-ли меня тятенька?
Его утѣшеніе сердечное,
Все сердечное, да не вѣчное.
Кукуетъ, кукушечка за садо́мъ,—
Заплакала дѣвица за столомъ;
Сажала подруженекъ высоко́,
А сама то садилася выше всѣхъ.
Сама себѣ говорила:
Боже мой, Боже мой!
Кто же меня, горькую, утѣшитъ?
Утѣшитъ-ли, нѣтъ-ли меня маменька?
Ея утѣшеніе сердечное, да не вѣчное.
Кукуетъ кукушечка за садо́мъ,—
Заплакала дѣвица за столомъ;
Сажала подруженекъ высоко,
А сама-то садилася выше всѣхъ.
Сама себѣ говорила:
Боже мой, Боже мой!
Кто же меня, горькую, утѣшитъ?
Утѣшитъ-ли, нѣтъ-ли меня милый другъ?
Его утѣшеніе вѣчное,
Оно вѣчное, да не сердечное.“

Пѣсня „Кукуетъ кукушечка за садóмъ“ служитъ заключительнымъ аккордомъ не только частушекъ, но и всего пѣнія молодежи: пропѣвъ ее, молодежь умолкаетъ. На сцену появляется невѣста, которая начинаетъ „вопить“ „Разлучное вопленіе“. Это „вопленіе“ невѣста начинаетъ отъ порога избы.

Не шумите, лѣса темные,— вопитъ невѣста,—
Не гамите, люди добрые.
Дайте мнѣ вы путь дороженьку
Не широкую, не дальную:
До столовъ-то мнѣ дубовыихъ,
До скатертей до браныихъ,—
Еще пуще до родна батюшки.

Послѣ этихъ словъ, невѣста подходитъ къ отцу, обнимаетъ его и продолжаетъ надъ нимъ „вопить—причитать“:

Ты послушай, рóдный батюшка,
Что тебя я буду спрашивать!
И зачѣмъ вы, батюшка, столы разставили?
Зачѣмъ скатерти раскáтили?
Зачѣмъ чужихъ людей вы накликали?
Что вы, батюшка, надумали
Отдать въ замужъ меня дѣвичушку
Во чужи людушки, во незнамые?
Ужъ и какъ мнѣ будетъ называть-то ихъ?
Что вы, батюшка, говорите мнѣ:
Ты убавь, дочка, спеси, гордости,
Назови ты свекора-то батюшкой,
А свекровь-то рóдной матушкой!
Уже-ль, батюшка, вы не родной отецъ?
Ужъ-ли, матушка, не родная мать?
Ты послушай, родитель-батюшка,
Ты зачѣмъ гонишь кручинную меня
Въ эвти людушки незнамые?
Ты зачѣмъ ихъ хошъ привѣтствовать?
Не пущай ихъ, рóдный мой, сюда,
Не угощай ты ихъ кускомъ сладкiимъ,
Не пои ты ихъ пивомъ пьяныимъ!
Ты давай-ко, рóдный батюшка,
Сходимъ въ свѣтлую во горенку,
Мы возмемъ тамъ пилу острую,
Выйдемъ скоренько на широкiй дворъ,
Подпилимъ столбы граненные,
Уронúмъ ворхи шатровые,
Завалимъ гостямъ незнамыимъ,
Завалимъ имъ путь-дороженьку;
Не пройдутъ-ли они мимó окошечка,
Не проѣдутъ-ли они мимо горенки,
Не оставятъ-ли твое дитятко,
Не оставятъ-ли кручинную во дѣвичушкахъ?
Ты послушай, рóдный батюшка,
Ты повыслушай кручинную:
Я не два пола у васъ протопала,
Не двѣ двери я прохлопала,
Я не два сусека хлѣба выѣла,
Я не два колодца воды выпила,—

Ходила поломъ-то я тихохонько,
Дверью хлопола легонько,
Ѣла хлѣбушка я корочки,
А водичку пила кружечкой.
Ты, родимый, что разсе́рдился?
Что не слухаешь кручинную,
А примаешь со спочтеніемъ
Ты незнаемыхъ людушекъ,
Отдаешь имъ свою доченьку?
Иль я тебѣ догрубляла?
Иль я тебѣ досаждала?
Ты, родимый, родный батюшка,
Выглянь въ свѣтлое окошечко!
Подъ окномъ стоитъ березонька,
Она до́ земли все клонится,
А я тебѣ, родимый батюшка,
Что березка, въ ножки кланяюсь.
Не попомни на мнѣ ни зла, ни грубости,
Ты почти мои-то грубости
За малыя за глупости,
А глупости—замѣсто младости.
Ты спопомни, родной батюшка,
Что возьмутъ меня чужи людушки.
Благослови-ко ты во путь меня,
Во путь дальную дороженьку!
Не дорого мнѣ твое злато, серебро,
А дорого твое благословеньицо.
Не срѣтай после меня,
Не срѣтай ты скусомъ сладкіимъ,
Не срѣтай ты пивомъ пьяныимъ,
А срѣтайте меня, батюшка,
Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ,
Словомъ ласковымъ со милостью.

Поклонившись отцу въ ноги и получивъ отъ него благословеніе, невѣста идетъ къ матери и, обнявъ ея шею, начинаетъ „надъ ней вопить“.

Ужъ ты, ро́дна, ро́дна матушка,— „голоситъ“ она,—
Ты послушай, что тебя я буду спрашивать.
Во чистомъ-то полѣ что за пыль пылитъ?
Во широкой-то во улицѣ что за звонъ звенитъ?
А у нашей-то одворицѣ что за гамъ гамитъ?
На широкій дворъ нашъ что за народъ бѣжитъ?
Эвто ѣдутъ къ намъ гости незваные,
Они незваные, незнамые, нежданые.
Не встрѣчайте вы, матушка, эвтихъ гостей немалыихъ,
Не пойте вы ихъ пивомъ пьяныимъ.
Не сажайте ихъ за столы за дубовыи,
На лавочки на кленовыи,
Не берите съ нихъ вы золотой казны,
Не прельщайтесь на спосулочки:
Эвто гости всё разлучники,—
Разлучатъ съ тобой насъ, матушка.
Что, родная, на меня ты прогнѣвилася?
Зачѣмъ хочешь пріимать гостей?
Не ходила-ль у тебя я за коровушкой,

Не мела-ли въ избѣ по́лушки,
Не носила-ль ведра полныя
Съ ключевой водой со колодезя,
Не топила ль я лежаночку,
Не пряла-ли по ночамъ ленокъ,
Не ткала-ли я полотнушковъ,
Не гуляла-ль съ тобой въ празднички,
Не работала-ль на жнивушкѣ,
Не сгребала-ль травку—матушку?
Ужъ ты, ро́дна, ро́дна матушка!
Какъ мнѣ жить будетъ во чужихъ людяхъ?
На чужого свекора угодить будетъ,
На чужу свекровь угождать будетъ?
Или поздніимъ лежаньицемъ,
Или ранніимъ вставаньицемъ?
Что ни сдѣлаешь—прогнѣваешь,
Что ни скажешь—все погрубствуешь.
На что, ро́дная, прогнѣвалась,
Отдаешь меня ты въ чужелюдіе?
Чужой батюшка батогомъ будетъ бить,
Чужа матушка косу будетъ крутить.
Что, ро́дная, прогнѣвилася?
Ты преложъ свой гнѣвъ на милости,
Прости, ро́дная, по скромности,
Не попомни, ро́дна матушка,
Ты ни зла мого, ни грубости.
Положите грубость замѣсто глупости,
А глупость-то вмѣсто младости.
Ты спопомни, родна матушка,
Что возмутъ, меня чужи людушки,
Благослови ко ты во путь меня,
Во путь—дальную дороженьку!
Не дорого мнѣ твое ласканьице,
А дорого твое благословеньице.
Ты срѣтай меня, матушинька,
Когда я приду понавѣдаться,
Не гони меня, а выслушивай,
Не питьевъ давай,—сладкой ѣдушки,
А садись-ко ты близехонько,
Да выспрашивай ты долгохонько:
Какъ кручинноей живется мнѣ
На чужой, дальной сторонушкѣ
И заступой будь ты предъ батюшкой,
И заступой будь предъ милымъ дружкомъ.
Прости, ро́дная, роднешенька,
Что сдосадила тебѣ глупымъ разумомъ!

Невѣста кланяется матери въ ноги и получаетъ отъ нея благословеніе. Въ это время дѣвицы слова запѣваютъ. Онѣ поютъ „Прощальную-материнскую“ пѣсню. Вотъ эта пѣсня:

Разлилась ты разлелѣялась
По лугамъ-то вода полая.
Унесла ты, улелѣяла
Три кораблика тесовые.
Ужъ какъ первый-то корабль поплылъ
Съ укладкою дубовою,

А другой-то ли корабль поплылъ
Со периною пуховою,
А ужъ третій-то корабль поплылъ
Съ моей Дарьюшкой сердечною.
Осталася ея маменька
На крутомъ-то ли на бережкѣ,
На горючіемъ на камушкѣ.
Что не лебедь въ полѣ кликала,—
По Дарьюшкѣ матка плакала:
Ужъ ты мило мое, дитятко,
Ужъ ты, чадо, мое милое,
Воротись-ка, дочка милая,
Воротись-ка, ненаглядная:
Трое ключиковъ ты, дочушка покинула
На дубовыемъ на столикѣ,
Что на шитой, браной скатерти.
Радѣльница, моя маменька!
Я не ключики покинула:
Ужъ какъ первый ключъ—волю тятеньки,
А второй-то ключъ—нѣгу маменьки,
А ужъ третій ключъ—свою дѣвичью красоту.

Эта „Прощальная-материнская пѣсня“ поется только тогда, когда мать невѣсты жива, если же ея на лицо нѣтъ, то эта пѣсня пропускается,—не поется. Когда же невѣста не имѣетъ отца или матери, тогда, если у невѣсты нѣтъ отца, послѣ пѣсни: „Кукуетъ кукушечка“, она, сидя за столомъ, „вопитъ“:

Родимый, милый батюшка!
Отдаютъ меня несчастную
Въ чужу дальную сторонушку,
Твою бѣдную сиротушку.
Надо-ть мнѣ твое прощеньице,
Надо ть мнѣ благословеньице.
Выйду я во чисто полюшко,
Посмотрю на всѣ четыре сторонушки—
Ты нейдешь-ли гдѣ, желанный мой,
Съ чужой дальноей сторонушки,
Не несешь-ли ты прощеньица,
Не несешь ли благословеньица
Твоей дочушкѣ—сиротушкѣ?
Не придешь ты, милый батюшка,
Не на чéстенъ пиръ, не на свадьбушку,
Я кручинная одна буду
Безъ тебя, родимый батюшка!

Если же у невѣсты нѣтъ матери, то, послѣ „разлучнаго вопленья“ надъ отцомъ, невѣста, садится за столъ и начинаетъ причитать:

Прилети-ка моя, родна матушка,
Благослови-ка меня горюшную!
Оставила меня сиротинушку
На несчастьицо великое.
Отдаютъ меня горюшную,
Отдаетъ родимый батюшко
Во чужи люди, во незнамые.
Чужой свекоръ будетъ батюшкой,
А чужая свекровь—родной матушкой.
Прибери лучше къ себѣ, матушинька,

Возьми къ себѣ подъ право крылышко!
Поди-ко на меня ты прогнѣвалась,
Поди-ко на меня ты разобидѣлась:
Я тебѣ досаждала,
Я тебѣ догрубляла.
Ты почти-ко, родна матушка,
Мои грубости за глупости,
А глупости замѣсто младости!

Если же у невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, то молодежъ, послѣ пѣсни „Кукуетъ кукушечка“, поетъ пѣсню „Сиротскую“:

Бѣжитъ рѣчка не всколыхнется,
Крутымъ бе́режкомъ не всплеснется.
Сидитъ дѣвушка за столикомъ,
Сидитъ красна не улыбнется.
Говорили ей подруженьки,
Говорили ей голубушки:
Ужъ ты мила наша, Дарьюшка,
Что сидишь ты, какъ невесело,
Что сидишь ты не улыбнешься?
Ахъ, подруженьки-голубушки!
А чему мнѣ веселитися,
Чему красной улыбатися?
Полонъ дворъ у насъ каретъ стоитъ,
Полонъ дворъ у насъ извозчиковъ,
Полны горницы да дорогихъ гостей,—
Дорогихъ гостей незваныихъ,
Незваныихъ, все нежданыихъ.
Одного-то гостя нѣтъ-какъ-нѣтъ,
И одной то гостьи нѣтъ-какъ-нѣтъ:
Ужъ какъ нѣтъ гостя родимаго,
Что радѣльна мила тятеньки,
Ужъ и нѣтъ гостьи родимоей,
Разрадѣльной милой маменьки.
Я надѣну платье траурно
И пойду на колоколенку,
Я ударю въ большой колоколъ:—
Не разступится-ли мать сыра земля,
Не раздуются-ли пески желтые,
Не раскатятся-ли круглы камешки,
Не расколятся-ли гробушки,
Не распахнутся-ли бѣлы саваны,
Не возстанутъ-ли родители,
Не возглянутъ ли на меня красу,
Не возглянутъ-ли на снаряжену,
На снаряжену, за убраный столъ посажену?
Снарядить-то меня есть кому,—
Благословить-то меня некому:
Что снарядитъ меня тетенька,
Благословитъ меня чужой отецъ.

Во время этой пѣсни сирота-невѣста сидитъ за столомъ и плачетъ.

Послѣ пѣсни „Сиротской“, или послѣ „Прощальной-материнской“ невѣсту начинаютъ „снаряжать къ вѣнцу“. Братья невѣсты: родные или двоюродные, или родной братъ и двоюродный, но непремѣнно двое, приносятъ невѣстѣ „сапо́жки“ и начинаютъ ее обувать. Во время обуванія невѣста вопитъ

„Братцы мои милые, родненьки (или „двоюродны“), вопитъ она,—
Отдаетъ меня въ чужи людушки свѣтъ-батюшка,
Нѣтъ заступы и у матушки, [1])
Може въ васъ заступа найдется?
Ваши ноженьки походчивы,
Бѣлы рученьки подносчивы.
Не ходите вы съ обувкою ко мнѣ,
Не ламайте мои ноженьки,
Вы не куйте въ желѣза желѣзныя:
Желѣза-то не гніютъ, не старѣютъ,
А меня, дѣвичушку, состаривають.
Вижу нѣтъ у васъ утѣшушки,
Божья помощь только ждетъ меня.
Инъ, идите обувайте въ кандалы
Мои ноженьки походчивы.
Вы, родные, милы братушки!
Какъ приду я къ вамъ навѣдаться,—
Не гулять зовите вы тотка меня,
А спознайте про живленьицо мое.
Будьте мнѣ крѣпкой заступою,
Во несчастіи подмогою!
Вы простите меня глупую,
Ежель что сказала не по разуму.
Я вамъ бью поклонцемъ долгіимъ,—
Прошу всякаго прощенія!

„Провопивъ“, обутая братьями, невѣста кланяется „милымъ братцамъ“ въ поясъ, цѣлуется съ ними и, провожаемая подругами, идетъ въ другую комнату одѣваться. Одѣваютъ невѣсту близкія подруги. Когда невѣсту одѣнутъ, ей одна изъ подругъ начинаетъ расплетать косу, а невѣста въ это время причитаетъ:

Размилая моя подруженька, Марьюшка, [2])
Твои рѣзвы ноженьки подходчивы,
Бѣлы рученьки подносчивы,
Не расплетай ты мою русую косу,
Не губи ты меня, дѣвицу красу!
Въ моей косѣ три булатныихъ ножа:
Обрѣжешь ты свои бѣлы рученьки,
Обмараешь мое цвѣтно платьице,
Платье цвѣтно—подвѣнчальное.
Мнѣ въ цвѣтномъ платьѣ подъ вѣнецъ ѣхать,
Мнѣ въ цвѣтномъ платьѣ подъ вѣнцомъ стоять,
Подъ вѣнцомъ стоять, законъ принимать.

На это, расплетавшая косу, дѣвица говоритъ невѣстѣ:

Размилая моя подруженька, Дарьюшка,
Размилая моя подруженька, Ивановна!
Все у насъ да эвто водится:

---

[1]) Если у невѣсты нѣтъ отца, то она причитаетъ: «отдаетъ меня въ чужи людушки свѣтъ дядюшка», или тотъ кто ей былъ посаженнымъ отцомъ. Если же нѣтъ матери, то слова «нѣтъ заступы и у матушки»мѣняются на слова: «нѣтъ заступы и у родимаго». Если же невѣста круглая сирота, то она причитаетъ: «Отдаютъ меня чужи люди, нѣтъ заступушки отъ родненькихъ“.

[2]) Имя дѣвушки, расплетавшей косу.

Расплетаютъ русу косу, кто торопится
Подъ вѣнцомъ стоять съ Иванъ Иванычемъ.
Расплету тебѣ я косыньку легохонько,
Причешу тебя, подруженька, тихохонько,
Не обрѣжу ни мизинчика,
Не смараю рядна платьица.

Невѣста на это ей говоритъ—вопитъ:

Размилая моя подруженька, Марьюшка!
Ты прости меня неразумную,
Все кручинную дѣвчушечку:
Не въ досадушку тебѣ я сказывала,—
Я свою-то грусточку укладывала.
Не видать теперь мнѣ волюшки,
Не бывать мнѣ больше въ дѣвицахъ.
Я закономъ обвѣнчаюся,—
Съ дѣвичьимъ житьемъ во вѣки распрощаюся.
Ты прости меня подруженька, Марьюшка,
Прости дѣвичушку неразумливую,
Не разумливую да все вунывливую.

Потомъ невѣста обращается ко всѣмъ подругамъ и, кланяясь имъ въ поясъ, говоритъ:

И вы, подруженьки голубоньки,
Всѣ простите меня грубливую:
Не сблагодарила васъ за одѣванье.
Примите-жъ отъ меня низкой поклонъ,
За ваше, дѣвушки, стараньице!

Кончивъ одѣваться и „плакаться“ невѣста снова является „въ горницу“, откуда вышла. Здѣсь садится она въ передній уголъ и дожидается „женихова поѣзда“.

„Поѣздъ жениха“, хотя бы женихъ былъ изъ одной деревни съ невѣстой, всегда ждетъ за „околицей“ извѣстія: кончила-ли невѣста „плакаться и готова-ли къ вѣнцу“. Получивъ извѣстіе, что невѣста убрана, „поѣздъ жениха“ во „всю скачъ“ несется къ избѣ невѣсты. Здѣсь „поѣзжане“ останавливаются. Дружка жениха, перепоясанный „шитымъ“ полотенцемъ, беретъ узелъ съ одеждой жениха и идетъ одинъ съ нимъ въ домъ невѣсты. Помолившись на образа, дружка обращается „къ родителю“ невѣсты и говоритъ:

Сватушка, сватокъ!
Ѣхали мы что есть моченьки,
Пріустали у коней рѣзвы ноженьки:
Дорожка дальная,
Одежка на насъ рваная,
Дождемъ [1]) измочило,
Вѣтрами прознобило,
Не примешь-ли гостей?
Говори, сватъ поскорѣй!
Дай лошадкамъ овсеца,
А нѣтъ овсеца,—
Отвѣсь сѣнца,
А намъ-то по рюмочкѣ винца.
Что, сватъ, молчишь,
Да ротъ кривишь.

1) Если зимой, то слово „дождемъ“, измѣняется на—„погодкой“.

Хошь выпяли глаза,
А давай намъ, сватъ, винца!
А мы ѣхали хвалилися:
У насъ, у князя всего де много—
Есть разна животинка:
Тараканъ, да жужелица,
А изъ мѣдной-то посуды—
Крестъ да пуговица.
Что спугался,
Иль зазнался?
Примешь что-ли насъ?
Слышь лошадки ржутъ,
Мотри оглобли повернутъ?!

Отецъ невѣсты проситъ „пожаловать дорогихъ гостей“. „Милости просимъ“,—говоритъ онъ дружкѣ, —„милости просимъ, дорогой гость со гостями!“ Дружка проходитъ на средину комнаты, снова крестится на иконы, цѣлуется съ хозяиномъ дома и, обращаясь къ нему, говоритъ, указывая на столъ:

Я, сватушка, пришелъ,
А винца-то не нашелъ,
А ты спосулился.
Ай, вру! .. покосился,
Бѣги, сватъ, за винцомъ,
Да скоренько, ходуномъ!
А я съ кулемъ пришелъ:
Думалъ сватъ важный,
Нальетъ стаканчикъ ажный,
Выпьешь, проглотишь—
Еще захочешь!

Дружка указываетъ на принесенный имъ узелъ и продолжаетъ:

А въ кулѣ гостинцы разные:
Орѣшки гречески,
Мармелады чешески,
Помада, духи,
Хоть носъ вороти,
Закуска есть,
Только стоитъ, сватъ, поднесть!
Винцо душку ублажитъ,
По сердечушку пробѣжитъ.
Выпьешь рюмку,
Выпьешь двѣ,—
Зашумитъ въ головѣ.
Духу дружка наберется,—
Прославлять тебя найдется.

Отецъ невѣсты идетъ за виномъ, приноситъ, наливаетъ стаканъ и подноситъ дружкѣ. Отпивъ немного, дружка возвращаетъ стаканъ и говоритъ:

Спасибо, сватъ,
Въ друго рядъ [1]) буду радъ
Къ тебѣ завернуть,
Винца хлебнуть,—
Теперь дѣло есть:

1) Въ другой разъ.

Надо-ть узелъ несть.
До свиданья!

Дружка дѣлаетъ поклонъ хозяину дома и подходитъ съ узломъ къ перегородкѣ кухни, спальни, или какой другой комнаты, въ которую при появленіи въ домѣ дружки дѣвицы уводятъ невѣсту и, подойдя, кричитъ:

Народъ честной,
Что за сосной большой!
Что пялите глаза,
Я не сватова кума,
А я—дружка удалецъ,
Везу парня подъ вѣнецъ,
Лыкомъ шитаго,
Прибитаго,
Съ горбомъ на спинѣ,
Съ мозолью на ногѣ,
Кривого, рябого,
Доморощеннаго!
Протяните рученьки,
Пораспяльте груденьки,
Отъ жениха одежку примите,
Невѣсту обрядите,
За столъ посадите.

При этомъ дружка кидаетъ узелъ за перегородку, но узелъ оттуда дружкѣ выбрасываютъ обратно. Дружка беретъ узелъ, снова его кидаетъ за перегородку и кричитъ:

Эхъ, народъ стоеросовый,
Видать, что не тесаный!
Что одежку пулять
Надо дружку ублажать.
Распялили ручищи,
Что медвѣдя лапищи,
Узла не пымали,—
Одежку сломали.
Ну се, пораспяльте рученьки,
Животы подтяните,
Одежку отъ жениха примите,
Невѣсту обрядите,
За столъ посадите!

Брошенный узелъ снова возвращается дружкѣ. Дружка его въ третій разъ бросаетъ и кричитъ:

Эй, народъ честной!
(Видать, съ головой пустой).
Мотри, князь разсердится,
Волкомъ обернится,
Домой упулитъ,—
Вамъ шишъ посулитъ.
Эй вы, красныя дѣвицы,
Пирожны мастерицы,
Горшошны пагубницы,
На снохъ ябедницы,
Не ваше бы дѣло

По пирамъ, по свадьбамъ ѣздить,
А ваше дѣло лепешки мѣсить,
Да пастуховъ кормить.
Ну-се распяль здоровѣе ручищи,
Держи крѣпче узлище!
Одежку отъ жениха примите,
Невѣсту обрядите,
За столъ посадите!

Узелъ уже не возвращается обратно. Дѣвицы накидываютъ на плечи невѣсты шаль, выводятъ и сажаютъ на лавку. Дружки раскланиваются съ невѣстой и говоритъ:

Княгинюшкѣ безъ князя
Неловко сидѣть,—
Приходится на другихъ глядѣть.
Князь разсердится,—
А у княгинюшки сердце щемится.

Послѣ этого одна изъ „дябѣлокъ“ 1) обращается къ дружкѣ и говоритъ:

„Гдѣ-жъ князь новоображный,
Молодой и важный?
Что-жъ онъ нейдетъ—
Дѣвичью тоску не уйметъ,
Намъ не кажется,—
Хлѣбомъ, солью нашей не уважится?

На эти слова „дябѣлки“ дружка отвѣчаетъ:

Нашъ князь новоображный
Находится во чистомъ полѣ,
Разъѣзжаетъ на ворономъ конѣ.

Потомъ онъ глядитъ въ окошко и говоритъ:

Вонъ онъ подкатилъ,
Коня къ золотой вереѣ прикрутилъ.

и, обращаясь къ собравшимся продолжаетъ:

Сватушка, свахонька,
Куманьки, кумушки,
Родные голубушки!
Идите князя встрѣчать,
Лаской пріимать
Въ домъ большой,
На пиръ честной!

Родные невѣсты всѣ идутъ встрѣчать жениха. При входѣ жениха въ домъ дружка говоритъ:

Вотъ князь пришелъ,
Бровей повелъ,
Княгинюшку увидалъ,
За рученьку взялъ
Почтенно съ поклонцемъ
За столикъ сажалъ.

---

1) Сваха съ невѣстиной стороны.

При этихъ словахъ дружка беретъ за руку невѣсту и подводитъ ее къ жениху, который кланяется невѣстѣ. Дружка беретъ ихъ за руки и сажаетъ въ красный уголъ, потомъ, обратившись къ жениху, говоритъ:

Князь честной!
Вели пиръ пировать,
Гостей за столы сажать.

Женихъ, обращаясь къ гостямъ съ поклономъ, говоритъ:

Пожалуйте! Милости просимъ!

Пріѣхавшіе начинаютъ разсаживаться за столомъ, а дружка говоритъ:

„Садись, гости дорогіе,
За столы браные,
За яства сахарныя!

Потомъ, обращаясь къ матери невѣсты, продолжаетъ говорить:

Свахонька, поворухонька,
Поворачивайся, да не облокачивайся,
Что есть въ печи,—на столъ мечи!

На столъ приносится ѣда. Когда несутъ сладкій пирогъ, *) дружка выходитъ изъ-за стола, беретъ блюдо и самъ несетъ его на столъ, причитая:

Поваръ идетъ, пирогъ несетъ,
Ножки у него съ походцемъ,
Ручки съ подносцемъ.

Онъ ставитъ пирогъ на столъ и, обращаясь первоначально къ жениху и невѣстѣ, говоритъ:

Кушайте, князь новображный,
Кушайте, княгинюшка новображная!

и далѣе, обращаясь къ гостямъ, продолжаетъ:

Кушайте, сваты голубчики,
Свахоньки, кумушки,
Гости почтенные,
Не всѣмъ на имя,
А всѣмъ челомъ.

Закусываютъ за столомъ всѣ, кромѣ жениха и невѣсты. Когда на столъ подается пирогъ, дѣвушки берутъ „красу“, зажигаютъ на ней свѣчи, идутъ къ столу съ гостями и поютъ:

Раздайся, народъ!
Краса дѣвичья идетъ,
Не сама она идетъ—
Красна дѣвица несетъ,
Расчастехонько ступаетъ,
Половиночки считаетъ,
Дойдетъ, сватушки, до васъ,
Потревожитъ всѣхъ тотчасъ.
Сватушки сватья, скажите:
Какъ намъ звать князька—
Нашей Дарьюшки дружка?

На эту пѣсню дѣвицъ, дружка жениха отвѣчаетъ, что „князя зовутъ Иванъ, а величаютъ Ивановичъ“. Услыхавъ отъ дружки имя и отчество жениха, дѣвушки обращаются къ послѣднему и говорятъ:

*) Пирогъ всегда бываетъ пшеничный съ изюмомъ, круглый, сверху обсыпанный сахаромъ, или сухарями.

Свѣтъ, князь Иванъ Ивановичъ!
Насъ, дѣвицъ, примите,
За красу заплатите,
За себя и за княгинюшку Дарью Ивановну.

Женихъ платитъ дѣвицамъ деньгами за красу, за что дѣвицы его величаютъ „здравицей".

Молодому жениху—говорятъ онѣ,—
Прожить 100 годовъ ему!
За честное награжденье
Отъ насъ дѣвицъ прославленье,
А княгинѣ вашей
Быть желаемъ краше,
Тоже жить ей сто годовъ
И нажить ей сто сыновъ,—
Вамъ на радость,
Людямъ на прославленье.

Послѣ этихъ словъ дѣвицы съ красой идутъ къ крестному жениха и обращаются къ нему со словами:

Тысяцкій, большой баринъ!
Красу прекратите,
А за работу заплатите.

Крестный жениха гаситъ на красѣ свѣчи и тоже платитъ, что можетъ, дѣвицамъ. Дѣвицы благодарятъ словами:

Благодарствуемъ, судáрь,
Что работушку спозналъ,
Намъ дѣвицамъ за красу
Отвалилъ свою казну.

Отъ крестнаго жениха дѣвицы съ красой обходятъ всѣхъ гостей мужскаго пола и ко всѣмъ обращаются со словами:

Красу прекратите,
А за работу заплатите.

Каждый изъ гостей тушитъ на красѣ свѣчи и платитъ за красу дѣвицамъ. Послѣ всѣхъ дѣвицы съ красой подходятъ къ дружкѣ жениха и просятъ его заплатить за красу. Дружка на смѣхъ даетъ дѣвицамъ грошъ или копѣйку и дѣлаетъ замѣчаніе, что „краса плохо удѣлана". Дѣвицы берутъ копѣйку отъ дружки,—окружаютъ его и начинаютъ пѣть „Хаянье дружки" Эта пѣсня черезъ каждые два стиха имѣетъ припѣвъ:

Друженька нехорошенькій,
Друженька непригоженькій.

Вотъ ея содержаніе: „Какъ дружка на свадьбу спѣшилъ—
Въ лохани рубашку полоскалъ.
Друженька нехорошенькій
Друженька непригоженькій.
Какъ на дружкѣ-то шапенка
Послѣ дѣдушки шутенка.
Друженька нехорошенькій и т. д.
Какъ на дружкѣ-то кафтанъ
Шутъ по мѣсяцу таскалъ
Друженька и т. д.

Какъ на дружкѣ-то штаны
Послѣ дѣда сатаны.
Друженька и т. д.
Мы тебѣ, дружка, пѣсню поемъ,
Тебя, друженька, выхваливаемъ,
Разступися, подарися ты
Не рублемъ ты, ни полтиною
Золотою только гривною.
Какъ на дружкѣ-то оборы
Послѣ бабушки Ѳедоры.
Друженька и т. д.
Какъ на дружкѣ-то онучи
Послѣ бабушки вонючей.
Друженька и т. д.
Какъ на дружкѣ-то лаптишки
Шутъ по мѣсяцу плелъ
Но дыры всѣ не заплелъ.
Друженька и т. д.
Какъ на дружкѣ-то жилетъ,—
Онъ нѣмецкаго фасону,
Годъ валялся у заслону.
Друженька и т. д.
Какъ на дружкѣ-то рубаха—
Дырявая, грязная,—
Свинья въ нее плакала.
Друженька и т. д.
Носъ у друженьки большой,
Соровняется съ горой.
Друженька и т. д.
Какъ у дружки борода,
Что у дранаго козла.
Друженька и т. д.
А глазищи-то у дружки,
Какъ у сѣрой у лягушки
Друженька и т. д.
Какъ дружка то на полицу взглянулъ,
Солоницу оттуда стянулъ.
Друженька и т. д.
На полати то взглянулъ,
Полштофъ водки стянулъ.
Друженька и т. д.
Мы тебѣ, дружка, пѣсню поемъ
Тебя, друженька, выхваливаемъ.
Разступися, подарися ты,
Не рублемъ ты, ни полтиною,
Золотою только гривною.

Послѣ пѣнія дружка вынимаетъ кошелекъ и, при общемъ смѣхѣ собравшихся, платитъ дѣвицамъ за красу, прося ихъ пропѣть славленье ему, но дѣвицы, получивъ отъ дружки финансы, говорятъ ему: „мы тебя прославили. Будетъ. На тебѣ красу!—успокойся“ и при этомъ вручаютъ дружкѣ красу. „Поѣзжане“ въ это время поднимаются изъ за стола. Поднимаются и женихъ съ невѣстой, причемъ невѣста старается пошибче дернуть салфетку и произнести при этомъ про себя имя подруги, которую бы желала видѣть

замужемъ, ибо народъ вѣритъ, что дерганіе невѣстой салфетки передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, съ произнесеніемъ имени какой либо дѣвицы, предвѣщаетъ скорый выходъ упомянутой. Теперь гости собираются въ церковь. Передъ выходомъ изъ дома, невѣсту на время уводятъ въ другую комнату, гдѣ мать невѣсты кладетъ ей подъ лѣвую грудь заранѣе испеченную безъ соли лепешку. Эту лепешку молодые должны съѣсть на обратномъ пути изъ церкви. Потомъ мать покрываетъ невѣсту шалью, которая у ней висѣла на плечахъ и отводитъ къ ожидающему ее жениху. Съ женихомъ невѣста только идетъ до воротъ дома. Здѣсь она раскланивается съ нимъ и вступаетъ въ вѣденіе „дябѣлокъ".

Поѣзжане на подводахъ разсаживаются такъ: на первой подводѣ садится дружка жениха, который держитъ красу, и дружка невѣсты. Подъ дугой у лошади дружекъ обыкновенно виситъ вѣникъ. На вторую подводу садятся: женихъ и его крестный съ иконой; на третьей — садятся тѣ, кто желаетъ быть при вѣнчаніи; на четвертой (послѣдней) ѣдетъ невѣста, дябѣлка съ хлѣбомъ и сваха жениха съ иконой невѣсты. Усѣвшись на лошадей и получивъ благословеніе родителей жениха и невѣсты, поѣздъ направляется къ церкви.

По пріѣздѣ къ церкви, дружка жениха беретъ жениха и невѣсту за руки и ведетъ ихъ къ церковнымъ дверямъ передъ которыми шествіе останавливается и женихъ съ невѣстой начинаютъ креститься. Въ это время поѣзжане окружаютъ жениха съ невѣстой и начинаютъ ихъ толкать въ церковь Женихъ и невѣста немного „упираются", а потомъ быстро прыгаютъ чрезъ церковный порогъ; это дѣлается для того, чтобы „замести (скрыть) свои слѣды отъ всякаго вражества".

Въ церкви, во время вѣнчанія, женихъ и невѣста стараются креститься и кланяться вмѣстѣ, чтобъ жить послѣ дружнѣе; кромѣ этого, каждый изъ нихъ старается выше держать свѣчу и ранѣе вступить на „подножье", думая, что это пособитъ послѣ главенствовать въ семьѣ.

По вѣнчаніи дружка жениха надѣваетъ на голову молодой „повойникъ" —знакъ, что „молодая стала бабой". Потомъ, посадивъ молодыхъ на лошадь, дружка покрываетъ ихъ съ головой тулупомъ, или халатомъ „изъ боязни, чтобы во время пути какой лихой человѣкъ не напустилъ на нихъ какой болѣсти". На пути къ дому, молодая вынимаетъ положенную ей матерью подъ лѣвую грудь несоленую лепешку, разламываетъ ее пополамъ, даетъ одну половину своему „суженому—Ивану Ивановичу" и они начинаютъ ѣсть. Эта ѣда несоленой лепешки служитъ символомъ клятвы между молодыми въ томъ, что они всю жизнь будутъ жить дружно и вмѣстѣ, не смотря ни на какія превратности судьбы, будутъ пособлять другъ другу и одинаково дѣлить семейную радость и горе.

Передъ домомъ невѣсты, куда по вѣнчаніи прибываетъ свадебный поѣздъ, молодые встрѣчаются родителями, которые благословляютъ ихъ иконами. Во время этого благословенія подъ ноги молодымъ подстилается шерстью вверхъ шуба,—какъ предохраненіе „отъ нечистыхъ сглазовъ". Дружка невѣсты, во время этого благословенія, вокругъ дома посыпаетъ золой, а за ворота ставитъ осиновый колъ.—Это все предохраненія отъ колдуновъ и вѣдьмъ, которыя, по повѣрью народа, особенно любятъ „приходить на свадьбы и портить молодыхъ". Посыпая вокругъ дома золу, народъ думаетъ, что ни колдунъ, ни вѣдьма уже въ домъ не проберутся, ибо зола, по повѣрію, воспламенится и сожжетъ ихъ; но, если, паче чаянія, колдунъ или вѣдьма какъ-либо сумѣютъ перебраться черезъ золу, то они потеряютъ свою „чудодѣйственную силу". Сила эта теряется у нихъ благодаря запаху отъ осиноваго кола и колдунъ или вѣдьма, если и попадутъ въ домъ,—будутъ безвредны для молодыхъ.

Получивъ отъ родителей благословеніе, молодые идутъ въ домъ. На порогѣ избы ихъ присутствующіе на свадьбѣ осыпаютъ различными хлѣб-

ными зернами, выражая этимъ дѣйствіемъ пожеланіе жить молодымъ въ полномъ довольствѣ. „Да будетъ домъ вашъ,—говорятъ бросающіе,—полонъ всякой снѣди“. Въ домѣ молодымъ преподносится чашка брусники въ молокѣ, которую молодые должны съѣсть для того, чтобы у нихъ „родились дѣти румяные, да бѣлые тѣломъ“. Съѣвъ молоко и бруснику, молодые садятся въ передній уголъ, гдѣ подъ нихъ постилается шуба для того, чтобы они послѣ жили богато. Сюда молодымъ подается закуска и чай, а по гостямъ ходитъ „чарочка“, открывающая свадебный пиръ.

Посидѣвъ съ гостями нѣкоторое время, молодые „поднимаются спать“. Въ это время дружка жениха подноситъ молодому стаканъ краснаго вина. Молодой беретъ стаканъ, прикладываетъ его къ своему лбу или ставитъ на голову и потомъ разбиваетъ его объ полъ. Смыслъ этого обряда тотъ, что невѣста должна распрощаться со своимъ дѣвствомъ и должна подчиняться требованіямъ своего „законнаго главы“. Спать молодыхъ провожаютъ дружки и дябѣлки.

На другой день гости, собравшіеся на свадьбу, будятъ молодыхъ разбивая о стѣну горницы, въ которой они спали, горшки, а съ брачнаго ложа ихъ поднимаютъ дружки и дябѣлки. Одѣвшись молодые являются предъ гостями, которые ихъ входъ въ комнату пира привѣтствуютъ битьемъ горшковъ объ полъ и киданіемъ на полъ денегъ. Молодая должна видѣть безпорядокъ въ комнатѣ, она должна взять вѣникъ и подмести полъ, за что въ награду себѣ получаетъ разбросанныя деньги. Въ то время, какъ молодая мететъ полъ, дружка невѣсты надѣваетъ платье, полушубокъ и шаль „молодухи“, изображая собой ее саму. Нарядившись, дружка входитъ въ комнату къ гостямъ и кричитъ: „убѣгу,—измучили!“ и съ этими словами выбѣгаетъ изъ дома на улицу. Въ домѣ поднимается „переполохъ“. Всѣ кричатъ: „невѣста убѣгла! невѣста убѣгла!“ и за ряженымъ дружкой начинается погоня. Гости наскоро „одѣвшись кто во что попало“ и вооружившись: прутьями, палками, граблями, бѣгутъ за дружкой; нѣкоторые же выводятъ изъ хлѣва лошадей, садятся на нихъ верхомъ и тоже мчатся, „сломя голову“, за мнимой невѣстой. Чрезъ нѣкоторое время мнимую невѣсту ловятъ и начинаютъ бить, говоря: „не бѣгай отъ мужа! не бѣгай отъ мужа!“ и ведутъ въ домъ. Смыслъ этого обряда понятенъ: „не бѣгай, молодуха, отъ своего мужа, а то тебѣ крѣпко достанется“.

Возвратившись въ домъ послѣ поимки дружки, гости, а также и молодые, попивши чаю и закусивши, идутъ гулять „вдоль улицы“. Передъ тѣмъ, какъ выдти изъ дому, каждый изъ гостей украшаетъ свою одежду красненькими ленточками. Во время гулянья молодые идутъ „подъ ручку“, впереди ихъ плясуны „раздѣлываютъ колѣнца“, а сзади идетъ гармонистъ и остальные гости, которые или подтягиваютъ гармошкѣ, или пьяными голосами тянутъ какую либо „свою“ пѣсню.

Пиръ второго свадебнаго дня заканчивается отъѣздомъ молодыхъ въ домъ жениха, гдѣ молодые поселяются если только женихъ не „принимается въ домъ невѣсты“, а невѣста „приводится въ домъ жениха“.

Здѣсь, въ домѣ жениха, молодые вступаютъ въ жизнь, которая имъ, какъ и всякому человѣку, несетъ свои радости и невзгоды.

Таковъ свадебный обрядъ въ одномъ изъ уѣздовъ нашей Владимірской губерніи.

Въ дополненіе къ описанному мною свадебному обряду считаю нелишнимъ приложить записанныя мною двѣ пѣсни, которыя пѣлись дѣвицами на „дѣвишникѣ“ у невѣсты, выходящей замужъ за „парня“, долженствующаго попасть въ годъ свадьбы въ солдаты. Пѣсни эти являются отголоскомъ недавней старины, а именно, того времени, когда на Руси господствовалъ

„Румяненькій, осадистый,
Присадистый,
Съ ухваткой молодецкою,
Въ венгеркѣ съ бранденбурами,
Не крестьянинъ лапотникъ,
А, Божіею милостью,
Россійскій дворянинъ“,

т. е. когда на Руси процвѣтало крѣпостное право, когда „баринъ“, уѣзжая заграницу или въ столицу, ввѣрялъ свои владѣнія и своихъ крестьянъ „бурмистру“, который „творилъ“ съ послѣдними, что ему хотѣлось Особенно для крестьянъ того времени тяжело было идти въ солдаты. „Въ солдаты попасть—все равно, что умереть“, говорили тогда крестьяне. Дѣйствительно, многіе, ушедшіе въ то время въ солдаты, не возвращались домой, а если и возвращались, то двадцатипятилѣтній срокъ тогдашней солдатской службы тяжело отзывался на нихъ ибо многіе, придя со службы домой, не находили въ живыхъ своихъ родителей, а часто даже и родной избы, изъ которой пошли на службу. Бурмистры часто пользовались солдатчиной въ своихъ видахъ, они многихъ отдавали въ солдаты изъ-за корыстныхъ цѣлей, за что получали названіе „душегубителей“. Вотъ наши пѣсни и описываютъ это время, время, когда „цѣпь рабства“ была еще крѣпка.

Пѣсня № 1. *)

Почему-жъ, дѣвица красная,
Пригорюнясь у воротъ стоишь?
Или думу крѣпку думаешь,
Иль на сердцѣ что не весело?
Почему-жъ свою головушку
Подъ косынку прячешь бѣлую?
Почему ты въ косу русую
Не вплетаешь ленту алую
По примѣру сельскихъ дѣвушекъ?
Ахъ, служивый, я не дѣвица,
Не вдова и не молодушка,—
Сирота я вовсе круглая.
Десять лѣтъ тому, какъ минуло,
Какъ бурмистръ нашъ душегубище,
Полюбивъ меня молодушку,
Присудилъ онъ мужа милаго
Отвести на службу царскую.
Ахъ, служивый, было, горестно!
Я сама была больнехонька,—
Не могла его головушку
Обмочить слезами горькими.
Маша милая, всмотрись въ меня!
Я твой мужъ—солдатъ израненный,
Негодной сталъ къ службѣ царскоей,
Приплелся домой на родину.
Тутъ упала Маша съ радости,
Что на грудь-то свого милаго.

Пѣсня № 2.

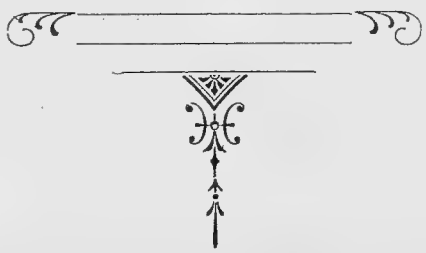
Вы, солдатушки—уланы,
У васъ лошади буланы,

*) Мотивъ пѣсни подобенъ пѣснѣ «На зарѣ туманной юности».

Гдѣ вы были-побывали?
Мы подъ Муромомъ стояли,
Деревушкой проѣзжали.
Деревушка небольшая,
Ни велика, ни малая,—
Наша русская, родная.
Въ деревушкѣ той есть дворикъ,
Одинъ дворикъ и тотъ вдовикъ.
Въ немъ живетъ вдова солдатка
У ней дѣтокъ полна хатка.
Мы у домика стучались,
Ночевать къ ней напрошались.
Намъ солдатка отворила
И на дворикъ свой впустила.
Мы во дворикъ взаходили
И коней своихъ скрутили.
Мы во горенку взбирались,
Рушниками утирались,
На иконы мы молились
И по лавочкамъ садились.
Старшой сѣлъ всѣхъ впереди,
Рѣчь съ солдаткой повели.
Сталъ вдову старшой выспрашивать,
Про житье-бытье распрашивать.
Много ль дѣточекъ
У тебя, вдова?
Ты на что живешь?
Какова казна?
У меня, сударь, семь дѣточекъ—
Недоростковъ, малолѣточекъ;
Хлѣба есть одна осьмина,
А деньжонокъ то полтина.
Взговорилъ старшой потише:
Подойди, вдова, поближе,
Поклонися ты пониже,
Ты возьми-ка черну шляпу у меня,
А во шляпѣ полотенце:—
Не твое-ли рукодѣльце?
Въ полотенцѣ узелочекъ,—
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Что не твой ли обручальный,
Что ходилъ со мной въ путь дальный,
И въ бояхъ и въ ратномъ полѣ
Онъ со мною мыкалъ горе?
Вспомни, милая, прощанье:
Наше прежне разставанье!—
Какъ бурмистръ нашъ душегубецъ,
Распроклятый „Ванька—дубецъ“
Тебя взялъ въ свои палаты,
А меня угналъ солдаты?!
Вспомни, какъ мы слезы лили,
Всѣ косынки измочили,—
Какъ колечко обручально
Ты дала мнѣ на прощанье,
Завернула въ полотенце—

Свое шито рукодѣльце.
Все тутъ вдовушка признала,
Свого милаго узнала,
Къ нему на грудь припадала,
Милымъ сердцу называла.

Свящ. *Алексѣй Соболевъ.*



ОБРЯДЫ и ОБЫЧАИ

ПРИ

рожденіи младенца

И

колыбельныя пѣсни

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Обряды и обычаи при рожденіи младенца и колыбельныя пѣсни Владимірской губерніи.

Рожденіе человѣка есть такой важный въ жизни человѣка актъ, что онъ невольно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе.

Въ прежнее время, когда на Руси еще не было свѣта христіанскаго ученія и свѣта науки, а было грубое язычество, этотъ актъ, актъ появленія въ міръ живого человѣческаго существа, приводилъ нашего язычника-предка въ изумленіе. Для предка-язычника поразительнымъ было то неравенство, которое проявляется какъ во внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дарованіяхъ человѣка. Отчего, задавалъ себѣ вопросъ предокъ-язычникъ, одинъ бываетъ и красивымъ, и сильнымъ, и даровитымъ, а другой этого не имѣетъ? Отчего одинъ при всей своей даровитости, красотѣ, силѣ и т. п. бываетъ несчастнымъ, а другой, при всемъ своемъ уродствѣ, надѣленъ счастіемъ въ изобиліи? Понятно, что всѣ такіе вопросы древній предокъ не оставлялъ безъ того или иного отвѣта, и у него постепенно составился цѣлый рядъ различныхъ, по большей части религіозныхъ, воззрѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлый рядъ различныхъ обрядовъ и обычаевъ. Эти обряди и обычаи, хотя и въ ограниченномъ видѣ, но все же существуютъ у насъ еще и понынѣ и даютъ возможность иногда заглянуть въ глубь древнихъ вѣковъ жизни нашего русскаго народа. Обряды и обычаи эти уцѣлѣли у насъ силою непрерывнаго преданія, связующаго отходящія поколѣнія съ нарождающимся, которыя не съумѣли или не чувствовали нужды замѣнить эти старые порядки новыми. Обряды и обычаи при рожденіи человѣка уцѣлѣли у насъ еще и потому, что относясь къ одному изъ сокровеннѣйшихъ актовъ семейной жизни, они не обратились въ шутку или забаву, какъ, напр., свадебные, а все время носили у русскаго человѣка, какъ и теперь носятъ, на себѣ печать серьезности и, кромѣ того, глубже, чѣмъ какіе-либо другіе обряды и обычаи, впитались въ плоть и кровь русскаго человѣка. Поэтому они болѣе, чѣмъ всякіе другіе обряды и обычаи заслуживаютъ, особеннаго вниманія и собиранія, чтобы наука могла лучше выяснить не только ихъ настоящій смыслъ, но и могла по нимъ возстановить многія страницы изъ прошлой жизни нашего древне русскаго языческаго славянскаго племени.

Опуская на время выясненіе обрядовъ и обычаевъ, существующихъ при рожденіи, я теперь только постараюсь, на сколько позволяютъ мнѣ личныя наблюденія и стороннія сообщенія, изложить существующій у меня матеріалъ: сказать, какіе существуютъ въ нашей Владимірской губерніи обряды и обычаи, связанные съ великимъ актомъ появленія въ міръ человѣческаго существа, а въ заключеніе приведу тѣ колыбельныя пѣсни, которыя распѣваются въ одномъ изъ уголковъ Покровскаго уѣзда.

Такъ какъ въ дѣлѣ рожденія важно не только собственно рожденіе, но и все то время, которое начинается беременностію и кончается торжественнымъ привѣтствіемъ явившагося въ міръ человѣческаго существа со стороны родныхъ и знакомыхъ, то говоря объ обрядахъ и обычаяхъ, къ нему

премѣнно должна заговориться отъ вина такимъ заговоромъ: *„во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Хмѣль и вино, отступись отъ рабы меня Божіей (такой-то) во темные лѣса: гдѣ люди не ходятъ, гдѣ кони не бродятъ, птица не водится, гадина не шелохнется. Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго. Хмѣль и вино, выдь на быструю воду: гдѣ люди не пьздятъ, рыба не плещетъ, солнышко не гѣетъ, луна не свѣтитъ. Во имя Отца, и Сына, и Духа Господня. Отъ рабы тяжелой (такой-то), хмѣль и вино, поди на буйный вѣтеръ, который вѣтеръ по дальности ходитъ, по сыпучей пустынѣ бродитъ. Во имя Отца, Іисуса Христа, Духа Христова. Привяжись къ лихому человѣку, который лихо думаетъ. Къ тому привяжись, который добра не сдѣлаетъ, міра не любитъ, который въ мысляхъ и дѣлами всѣхъ губитъ меня же рабу Божію, вино, хмѣль, освободи въ тяжести не приступи, дите не сгуби. Во вѣки аминь Отцу, во вѣки аминь Сыну, во вѣки аминь Святому Духу!* [1]). Кромѣ этого заговора алкоголичка женщина должна каждое утро во время беременности пить холодную воду съ примѣсью крещенской воды, чтобъ винная зараза не пристала къ младенцу и чтобы онъ въ жизни былъ *трезвенникомъ* [2]). Общее же вѣрованіе касательно будущихъ духовныхъ свойствъ *утробнаго* такое: если первое движеніе младенца будетъ ночью то онъ будетъ *норова тихаго*, если днемъ,—то *крутого*; если утромъ,-то будетъ на лицо моложавъ и *доберъ*, если же вечеромъ, то лицомъ будетъ *старообразъ, прыщеватъ и будетъ злымъ, неугомоннымъ.*

Говоря о беременности, нельзя не упомянуть также и о томъ, что среди крестьянъ нашей губерніи существуетъ еще убѣжденіе, что можно беременной женщинѣ повліять даже на то, чтобы у нея родился младенецъ желаемаго ею пола. Такъ, чтобы родился младенецъ мужского пола, беременная женщина, по повѣрью крестьянъ, въ продолженіе 9 денъ, со времени перваго движенія младенца, не должна произносить ни одного женскаго имени, а по вечерамъ должна ходить на задворки и умываться водой или обтирать лицо снѣгомъ, причемъ всякій разъ должна произносить такія слова: *во черной избѣ за дубовымъ столомъ сидитъ красный молодецъ. Ты, водица, не свернись, а ты, мило дите, не изверпись, думушкой не посвихнись, молодецъ, покажись!* Ночи, въ продолженіи указанныхъ дней, желающая мальчика должна спать на печкѣ. Если нужно, чтобы родилась дѣвочка, то женщина можетъ желаемое получить, если она будетъ въ продолженіи трехъ дней, со времени перваго движенія младенца, ходить утромъ къ коровѣ въ хлѣвъ и никѣмъ не замѣченная, станетъ изъ сосковъ *пущать* немного молока на навозъ; кромѣ этого она должна еще ходить на задворки умываться водой или снѣгомъ и произносить слова: *„Иду я матица изъ воротъ во чисто полюшко къ Окіяну морюшку дѣвицу заклинать, горюшка не спріимать, милу дитю дочушкой видать* [3]).

II. Роды. Главное дѣйствующее при родахъ лицо у крестьянъ Владимірской губ. есть *повитуха-бабка.* Она пользуется здѣсь большимъ почетомъ. Обыкновенно приглашать на роды за ней ѣдетъ или идетъ мужъ роженицы и, придя въ ея домъ, подноситъ ей *приношеньицо*: хлѣбъ или пирогъ [4]) и, низко кланяясь, приглашаетъ *помочь бѣдѣ и спроворить свое дѣльце.* Бабка нѣкоторое время *кочевряжится*, говоря, что *что можа быть по*

---

[1]) Со словъ Александры Морозовой, дер. Елховка, Столпинской вол., Влад. уѣз.
[2]) Сообщ. тоже Морозова.
[3]) Ольга Говоруха, д. Бынино, Покр. уѣз.

напрасно зоветъ—кличетъ; *можа быть время еще терпитъ*, но на усиленную просьбу мужа рожаницы, она въ концѣ концовъ *сдаетси* и, захвативъ съ собой свои *приборы* (обыкновенно какія либо травы, широкій горшокъ, пузырьки съ маслами), отправляется къ рожаницѣ. Первой заботой повитухи, по прибытіи въ домъ, бываетъ стараніе показать себя знающей хорошо дѣло и стараніе облегчить роды. Бабка начинаетъ оглядывать больную, нюхать воздухъ и дѣлать различныя замѣчанія домашнимъ. Считая, что главной причиной трудности родовъ можетъ быть „сглазъ“ или *напускъ*, она немедленно старается принять противъ того и другого различныя мѣры. Для предохраненія отъ *сглаза* она спрыскиваетъ рожаницу водой *съ уголька*, стараясь сдѣлать это нечаянно, а для предохраненія отъ *напуска*, велитъ рожаницѣ или утереться мужниной шубой, или мажетъ *уговорнымъ масломъ* [1]). Предохранивъ таковыми мѣрами рожаницу отъ *чужихъ злобствій*, бабка-повитуха старается внушить ей мужество, которое больше всего сводится къ запугиванію беременной женщины напр.: бабка проситъ рожаницу, во время родовъ, не кричать ибо своимъ крикомъ та можетъ *выкликать шишей мышихъ*, которые, явившись, могутъ утащить ребенка или сдѣлать роды болѣе трудными. Если же рожаница не сможетъ обойтись безъ крику, то она можетъ кричать только такія слова: „Господи, Господи, отпусти, сократи, не пусти, скрой, сохрани!“. Особенно же рожаница должна бояться произносить бранныя слова или проклинать себя и ребенка, потому что трудность родовъ только увеличится, а ребенка унесетъ къ себѣ *мышакъ шишъ* вмѣсто же него подкинетъ рожаницѣ своего *обмѣныша*, *мѣсное дите*—безпокойное и больное, съ свисшейся на сторону большой головой, съ тонкими, кривыми руками и ногами и съ огромнымъ брюхомъ [2]). Послѣ этихъ *улещаній*—наставленій, бабка начинаетъ принимать уже мѣры болѣе положительнаго свойства. Прежде всего она ведетъ рожаницу въ баню (которая заранѣе припасается), чтобы *распарить* и размягчить кости [3]). Здѣсь повитуха, перекрестивъ всѣ углы, чтобы не явилась нечистая сила и, положивъ рожаницу на полокъ, начинаетъ ее растирать, смазывая животъ *уговорнымъ м сломъ*, причемъ рожаницѣ строго запрещается зѣвать, ибо въ раскрытый ротъ можетъ войти *скверный духъ* и младенецъ въ утробѣ можетъ задохнуться. Послѣ бани рожаницу кладутъ на постель и отъ сглаза постель повитухой завѣшивается занавѣсью. Далѣе слѣдуютъ, если можно выразиться, акушерскія мѣры, которыя бываютъ иногда губительны и надо удивляться, какъ выносятъ ихъ наши крестьянки. Напр.: что можетъ быть губительнѣе, какъ *ставленье горшка*, которое состоитъ въ томъ, что на животъ роженицы повитухой кладется широкій, но низкій горшокъ, а въ него вкладывается зажженая бумага, благодаря чему часть живота роженицы втягивается въ горшокъ. Дѣлается это повитухой для того, чтобы *животъ родильницы разширился свободнѣй* [4]). Иногда же беременную, особенно *если роды* становятся трудны, встряхиваютъ вверхъ ногами, чтобы младенецъ *поправился по настоящему, какъ слѣдоватъ* [5]). Наряду съ такими „акушерскими пріемами“ слѣдуютъ мѣры религіозныя. Все, по повѣрью крестьянъ нашей губ., что завязано, замкнуто, должно быть открыто, потому что всякая *замкнутость мѣшаетъ быстротѣ родовъ*. Имѣя это въ виду, повитуха считаетъ своей непремѣнной обязанностью осмотрѣть въ домѣ *всѣ уголочки* и, если найдетъ гдѣ-либо связанный узелъ, развязываетъ его; отпираетъ она также во всемъ домѣ замки и растворяетъ всѣ двери, кромѣ *входной*, если стоитъ холодное время. Осматриваетъ она и саму рожаницу и ни за что не дастъ ей лежать съ заплетенной и или собранной косой, а также въ завязанномъ платкѣ, застегнутомъ

[1]) Сооб. Морозовой.
[2]) Сообщ. А. Морозовой, с. Анпино, Влад. уѣз.
[3]) Покр. уѣз.
[4]) Сообщ. Ольга Говоруха. д. Бынино, Покров. уѣз.
[5]) Судогод. уѣз.

нѣсколько зеренъ ржи, овса, гречи или на днѣ корыта должно быть положено нѣсколько серебряныхъ или золотыхъ монетъ [1]).

Что-же касается *перепеченія*, то оно употребляется только для того, чтобы дать слаборожденному младенцу новыя силы для дальнѣйшей его жизни, предохранить его отъ *болѣстей* и не дать ему быть *сухотикомъ*. Перепеченіе новорожденнаго состоитъ въ слѣдующемъ: младенца, обыкновенно хилаго, слаборожденнаго, обвязываютъ мокрымъ полотенцемъ и, какъ только истопится печь, его кладутъ на широкую новую деревянную лопату или ту которую употребляютъ при сажаніи ситниковъ—подовыхъ хлѣбовъ и, затѣмъ, три раза *засовываютъ* въ печь, быстро вытаскивая его обратно; причемъ каждый разъ женщина, совершающая перепеченіе (обыкновенно повитуха) произноситъ слѣдующія слова: *огонь, огонь, кости свари, дите укрѣпи! Во имя Отца, Сына и Духа Святаго. Дите живи. Аминь!* [2])

Послѣ купанья дитя, обыкновенно, кладутъ на руки къ отцу, который его несетъ къ рожаницѣ *показатьси*. Крестьяне нашей губерніи (часто и въ интеллигентныхъ домахъ) не безразлично относятся и къ первому кормленію младенца. Оно должно начаться непремѣнно правой грудью, иначе, думаютъ у насъ, ребенокъ будетъ *лѣвшой* (т. е. все будетъ дѣлать лѣвой рукой) и *полоумнымъ*. Заботясь о счастіи ребенка, крестьянинъ прилагаетъ также стараніе и къ огражденью его отъ сглаза, всякаго вреднаго вліянія *дурныхъ людей*: колдуновъ и колдуній, а также и отъ вліянія нечистой силы. Въ предогражденіе отъ сглаза, лицо ребенка обыкновенно обмывается крещенской водой, а въ предогражденіе отъ злыхъ, дурныхъ людей, въ *люльку* къ ребенку кладутъ немного осиновой коры, запахъ которой, по повѣрью крестьянъ Судогодскаго уѣзда, не только отгоняетъ колдуновъ, но и ихъ *злую силу отшибаетъ*. Для устраненія вліянія нечистой силы нашими крестьянами принимаются различныя мѣры. Самой дѣйствительной въ Гороховецкомъ уѣздѣ считается положеніе въ постель новорожденнаго клока собачьей шерсти [3]), въ Судогодскомъ уѣздѣ—положеніе какого либо остраго предмета: ножа, вилки и т. п. подъ головы новорожденному [4]), въ Александровскомъ уѣз.—положеніе въ колыбель младенца *четверговой соли и крещенской свѣчи* [5]). Считается хорошей мѣрой противъ вліянія нечистой силы на новорожденнаго и обтираніе младенца полотенцемъ, бывшимъ въ употребленіи при освященіи престола или висѣвшимъ въ продолженіе всѣхъ денъ Св. Пасхи на иконахъ [5]). Когда всѣ мѣры предосторожности противъ всякой *нечисти* бываютъ приняты, полъ избы начинаетъ вымываться, а двери ея становятся открытыми для посѣтительницъ, которыми обыкновенно бываютъ или ближайшія и дальнія родственницы или *сусѣдки* и знакомыя. Не навѣстить родильницы,—все равно какъ не придти *вспомянуть* умершаго, у нашихъ крестьянъ ститается *зазорнымъ*. Женщины, являясь посѣтить родильницу, обыкновенно приносятъ съ собой *зубокъ*, каковымъ служатъ различныя лакомства или хлѣбъ съ солью. При посѣщеніи родильницы, беременныя женщины, обыкновенно, не смотрятъ на младенца изъ боязни, что ихъ *утробный* можетъ *изсушиться или родиться слѣпенькимъ*.

III. Крестины. Въ нашей губерніи время отъ рожденія младенца до его крещенія не бываетъ продолжительнымъ. Боясь, что младенецъ можетъ умереть *неприведеннымъ къ вѣрѣ*, или еще боясь, что на некрещенаго младенца особенно легко могутъ дѣйствовать всякія *злобствія нечистой силы*, что некрещеный младенецъ особенно легко можетъ подвергаться *сглазу*, *на-*

1) Сл. въ Александ., Судогод. уѣздахъ. Монеты послѣ идутъ повитухѣ, которая обыкновенно купаетъ младенца.
2) Со словъ Ефросиніи Косцовой.
3) Сообщ. Иваномъ Усовымъ, Горох. уѣз.
4) Сообщ. Устиньей Петровой, д. Уваровка.
5) Сооб. Ефросиньей Косцовой.

пуску и т. п. жители нашей губерніи стараются какъ можно скорѣе совершить надъ новорожденнымъ Св. Крещеніе, привести его къ вѣрѣ въ ангельскій чинъ, какъ говорятъ крестьяне Покровскаго уѣзда. Въ Судогодскомъ уѣздѣ сюда присоединяютъ еще и то воззрѣніе, что крещеніе должно быть совершено до кормленія младенца грудью, т. е. натощакъ. Но оставлять малютку долго безъ пищи, естественно, нельзя, поэтому крестятъ родившагося у насъ (и это во всѣхъ уѣздахъ) въ тотъ же день и только, если младенецъ родится поздно вечеромъ, его оставляютъ некрещеннымъ до утра слѣдующаго дня Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей губерніи и даже въ только что указанныхъ мною уѣздахъ существуетъ и другой обычай, именно: крестьяне, прежде крещенія, приглашаютъ священника къ себѣ на домъ—дать молитву дому и назвать новорожденнаго, а иногда даже за молитвой дому приходитъ на домъ къ священнику повитуха и, предлагая ему хлѣбъ, проситъ прочитать *домовую молитву отъ скверноть*, но это бываетъ въ нашей губерніи въ рѣдкихъ случаяхъ и именно тогда, когда крестины младенца приходится почему либо отложить на нѣсколько дней или *младенецъ появился въ міръ мертвенькимъ*. Нарѣченіе имени новорожденному большею частію предоставляется волѣ священника, но бываютъ случаи, что и сами крестьяне заранѣе выбираютъ имя и просятъ священника только это имя *нарѣщи* младенцу. Въ первомъ случаѣ священникомъ принимается во вниманіе простота для произношенія и близость памяти того или иного святого, а во второмъ—принимается во вниманіе или простота произношенія или благозвучіе, но мнѣ приходилось наблюдать и такое явленіе, что крестьяне *нарочно* выбираютъ иногда трудное для ихъ произношенія имя (въ этомъ случаѣ они подражаютъ какимъ-либо знатнымъ людямъ, у которыхъ есть дѣти, носящія трудныя имена) напр.: *Піама, Пинна, Клавдія, Ларисса*, которыя или впослѣдствіи передѣлываются *на свой ладъ* и изъ Піамы у нихъ получается *Пьяна*, изъ Пинна-*Пишъ* изъ Клавдіи-*Главдея*, а изъ имени Лариса-*Лая*. При избраніи имени, жители нашей губерніи кромѣ того держатся иногда и слѣдующаго порядка: первый сынъ долженъ носить непремѣнно имя дѣда съ отцовой стороны, второй—имя дѣда съ матерней стороны, третій—имя отца; точно такого же порядка (но только въ честь бабушекъ и матери) придерживаются жители нашей губерніи при нарѣченіи именъ и для дѣвочекъ.

Главными дѣйствующими лицами при крестинахъ являются у насъ *кумъ и кума* или *крестный отецъ и крестная мать*, иначе, воспріемникъ и воспріемница. По большей части кумомъ и кумой являются ближайшіе родственники, но не исключаются и случаи приглашенія кума или кумы *су стороны*. Бываютъ даже случаи, что въ воспріемники приглашается первый *встрѣчный* при выходѣ изъ дома кого-либо (обыкновенно повитухи) за *пробѣжной водой* для купанія младенца. Таковое приглашеніе бываетъ только одного воспріемника и при томъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти у кого-либо не живутъ; въ этихъ случаяхъ считается также полезнымъ пригласить въ кумовья священника и давать младенцу имя крестнаго. Въ тѣхъ же видахъ, т. е. чтобы дѣти жили, не бываетъ въ обычаѣ приглашенія въ воспріемницы беременныхъ, да и сами беременныя боятся идти въ кумы, чтобы не родить слѣпенькаго или мертваго. Приглашеніе воспріемниковъ совершается по большей части отцомъ новорожденнаго (иногда много ранѣе до рожденія) и сопровождается въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Александровскомъ, Покровскомъ, Переславскомъ) такимъ обрядомъ. Отецъ родившагося идетъ въ домъ *намѣченнаго кума или намѣченной кумы* и, войдя въ домъ и помолившись на иконы, кланяется желаемому для него лицу и говоритъ: „*далъ Богъ дитю: тея въ кумовья* (*или кумушки*) *зову*“. Приглашаемый или приглашаемая ему отвѣчаютъ: „*благодарствуемъ на приглашеніи, мы соглашаемси младенца въ хрестьянску вѣру привесть. Дай Богъ тебѣ, кумъ, здоровья, роженицькумѣ вставанье, сынку* (*или дочушкѣ*) *просвещенье*“.

Далѣе идетъ угощеніе прибывшаго, при чемъ послѣдній непремѣнно отъ *сея* предлагаетъ водку или какихъ-либо лакомствъ. Отказъ въ воспріемничествѣ среди нашихъ крестьянъ бываетъ рѣдко, ибо такой поступокъ считается не только неприличнымъ, но дѣломъ грѣховнымъ и притомъ такимъ, за который отказавшійся или отказавшаяся могутъ *претерпѣть казнію: у нихъ не будетъ вода скотины.* Отправляясь на *кстины*, кумъ и кума идутъ не съ пустыми руками. Кумъ долженъ нести крестъ, а кума *гайташикъ* [1]). Кромѣ того они должны нести подарки, которые носятъ названія ризокъ. Эти ризки состоятъ изъ нѣсколькихъ аршинъ ситцу, или матеріи или полотенца, или большого платка, а иногда изъ нѣсколькихъ аршинъ холста. Онѣ обыкновенно предназначаются для родильницы и на нихъ, во время крещенія, полагается священникомъ только что крестившійся младенецъ. Предъ уходомъ въ церковь, родившагося обыкновенно *снаряжаютъ*, его еще разъ купаютъ въ проточной, пробѣжной водѣ, причемъ повитуха обыкновенно произноситъ: *съ гуся вода, съ тебя, малъ младенецъ, сойди худоба, всѣ сквернныя слова! Подите уроки* [2]) *на чистыя поля, на буйныя вѣтра, во темные лѣса! Спаси, Господь, и помилуй раба младенца отъ встрѣшнаго-поперешнаго отъ ношныхъ-полуношныхъ, денныхъ-полуденныхъ, отъ звѣрья всякаго и отъ лихостья человѣческаго* [3]). Послѣ купанья повитуха закутываетъ младенца въ разрѣзанную отцовскую или материнскую рубаху (смотря по полу младенца), затѣмъ подноситъ къ отцу для *благословленья* и отдаетъ его куму (если мальчикъ) или кумѣ (если дѣвочка), которые три раза на него крестообразно дуютъ и говорятъ: *не будь сглаза, не будь нечисти на рабѣ младенцѣ Божіи!* [4]). При выходѣ изъ дома кумъ и кума не должны оборачиваться, ибо крестникъ можетъ скоро умереть; не должны они задѣвать и за порогъ или говорить какой шутки, чтобы *маленькій божокъ не услыхалъ да набольшему не сказалъ и младенцу что не попритчилось, а имъ самимъ пути-дороги не были бы плохи* [5]). При совершеніи крещенія, какъ и во время рожденія, обращается крестьянами вниманіе на каждое движеніе ребенка. Такъ, если младенецъ чихнетъ или будетъ плакать, то будетъ жить, если же молчитъ или будетъ вытягиваться надъ водой, то умретъ [6]). Когда совершается обрядъ постриженія волосъ, то эти послѣдніе отдаются куму, который налѣпляетъ ихъ на воскъ, потомъ закатываетъ и бросаетъ въ купель. Нѣкоторые при этомъ наблюдаютъ: тонетъ или нѣтъ воскъ, причемъ вѣрятъ, что если воскъ тонетъ, то крестившійся будетъ *нежилецъ*, а если воскъ плаваетъ,—то онъ будетъ жить. При возвращеніи изъ церкви „*дите встрѣчаютъ*“ съ хлѣбомъ и съ солью, а потомъ его стараются на время положить на печь, или поднести къ *челу*, а иногда кладутъ на вывороченный тулупъ, причемъ говорятъ: „*родной, приходи, дите спріими, въ домовинѣ укрѣпи! Господи, благослови новое чадо въ домъ видать. Во имя Св. Тройцы и Миколы-Угодника и всѣхъ святыхъ. Аминь* [7]).

Празднество кстинъ бываетъ обыкновенно въ день совершенія св. Таинства. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на этомъ празднествѣ бываетъ повитуха бабка: она готовитъ печь, кушанья, приглашаетъ гостей и является полной хозяйкой при угощеніи. Послѣднимъ кушаньемъ на кстинномъ пиру бываетъ пшенная каша. Прежде чѣмъ подать ее на столъ, повитуха, обыкновенно, первоначально приноситъ ея только одну ложку; причемъ на днѣ ложки кладется соль. Эту кашу повитуха проситъ съѣсть отца народившагося младенца и говоритъ ему: *терпѣть, трудиться заставлялъ,—теперь*

[1]) Шнуръ или ленточка для креста.
[2]) Отъ слова „урочить или порочять“.
[3]) Сообщ. Иваномъ Талалинымъ, Ликино, Покров. уѣз.
[4]) Со словъ Евфросиніи Косцовой.
[5]) Сообщ. Логиновымъ, Арсаки, Алекс. уѣз.
[6]) Судогодскій уѣз.
[7]) Со словъ Евф. Косцовой.

самъ понудься. Отецъ малютки морщится, но съѣдаетъ кашу, иначе онъ *суровостенъ будетъ: окажетъ нелюбовь къ роженицѣ и родившемуся.* Далѣе бабка снова приноситъ ему ложку такой-же каши и снова говоритъ ему: *понудься, съѣшь! Роитель* проситъ *ослобонить* и предлагаетъ бабкѣ выкупъ (обыкновенно какую либо серебряную монету), который повитуха принимаетъ. Затѣмъ она несетъ кашу въ блюдѣ и, ставя на столъ говоритъ гостямъ: *кашку поѣшьте, труды вознаградите, дите вспомяните,* на что каждый отвѣчаетъ ей подаркомъ: какой-либо монеты и, *перекрестившись* за рабу или раба такого то (имя младенца), начинаютъ ѣсть кашу, а потомъ, выпивъ на *прощаньицо* нѣсколько винa, расходятся, благодаря хозяевъ и повитуху за *угощеньицо* [1]). Роль повитухи, однако, не оканчивается крестинами. Она иногда въ домѣ рожаницы живетъ до ея *вставаньица,* исполняетъ различныя работы, ходитъ за младенцемъ, пользуясь во время своего пребыванія у рожаницы почетомъ со стороны всѣхъ домашнихъ. Наканунѣ 40-го дня по рожденіи младенца, бабка снова является въ домъ къ рожаницѣ: *вспомянуть ей о молитвѣ, проститься съ дитемъ и его подпоясать.* Подпоясывая младенца, бабка обыкновенно говоритъ: *и какъ шнуръ длиненъ, такъ жить тебѣ; и какъ шнуръ бѣлой,—такъ быть тебѣ; рая видать, а въ горестяхъ не бывать;* потомъ она креститъ младенца: *во имя Отца, Сына, и Св. Духа,* цѣлуетъ его и прощается съ его родителями, *прося ихъ не поминать на ней злого зла* [2]). Этимъ оканчиваются обряды, относящіеся къ крещенію младенца. Но нельзя сказать, чтобы жизнь младенца послѣ крещенія оставлялась безъ вниманія со стороны его родителей. Кормилицы матери зорко слѣдятъ за своимъ *дитей.* Вотъ дитя не спитъ по ночамъ и плачетъ, мать несетъ его въ церковь и *проситъ батюшку почитать надъ нимъ, или дать ей водички съ копія; думается сглазъ приключился,*—говорятъ онѣ,—*такъ водичкой его смоешь, ему и полегчаетъ* [3]). Или сидитъ мать у колыбели своего дитяти и радуется, когда видитъ, что дитя улыбается во снѣ: она вѣритъ, что съ нимъ въ это время играетъ Ангелъ Господень и скорбитъ, если видитъ его вздрагивающимъ или слышитъ его крикъ въ просонкахъ—ей думается, что ея дитю *сглазили,* и она спѣшитъ спрыснуть его съ уголька [4]). Не станетъ женщина-крестьянка и купать своего сына или дочь по пятницамъ: *„грѣшно въ этотъ день купать ребятъ,—Пятница не любитъ и на младенца можетъ напасть сушецъ“,* говоритъ любящая свое дитя мать и строго соблюдаетъ извѣстное ей повѣрье. Мало этого, заботливая мать непремѣнно каждое воскресенье и среду, въ продолженіи шести недѣль, будетъ мѣрять своего ребенка, чтобы узнать: нѣтъ ли въ немъ какой *болѣсти,* не поглядѣлъ-ли на дитю *черный глазъ* и старается предотвратить его отъ *напастей.* Мѣряетъ мать ребенка суровой, мало крученой, ниткой, непремѣнно начиная свою мѣрку отъ плеча лѣвой руки до пятки правой ноги, потомъ этой мѣркой начинаетъ мѣрять отъ плеча правой руки до пятки лѣвой ноги. Если послѣдняя мѣра не совпадетъ съ первой, то, думаетъ сердобольная мать, что на ребенка уже черный глазъ поглядѣлъ и въ немъ есть *болѣсть,* которая можетъ скоро дѣйствовать и которую нужно предотвратить, или, какъ говорятъ наши крестьяне,—нужно *поставить препону.* Для этого женщина-мать беретъ мѣрку-нитку (отъ плеча лѣвой руки до пятки правой ноги) и складываетъ ее такъ, чтобы получилось 8 равныхъ нитокъ, сложенными нитками мать дѣлаетъ кресты: на темени, рукахъ, ногахъ и спинѣ своего дитяти, причемъ каждый разъ произноситъ: *„исчезни, болѣзнь, кая напущена отъ черна глаза, отъ зла человѣка. Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь“.* Потомъ женщина складываетъ нитку кольцомъ, въ

---

[1]) Со словъ Евфросиніи Косцовой.
[2]) Со словъ Александры Морозовой, д. Елховка.
[3]) Набл. въ Покровск. уѣздѣ.
[4]) Сообщ. матерью М. Соболевой.

которое могъ бы пройти младенецъ, и, завязывая узелъ, говоритъ: *„заключаю болѣсти всѣ раба (илы рабы) такой-то (имя младенца). Аминь тому слову“*. Сдѣлавъ кольцо, она протаскиваетъ чрезъ него за ноги младенца вверхъ спиной 3 раза и говоритъ каждый разъ: *„ни колдунъ, ни знахарь, ни черной глазъ не глядѣлъ бы плохо на насъ; болѣстямъ не прилипать, дитю здоровенькимъ видать. Молитвами Богородицы и Пантелеймономъ спаси, Христосъ—судья вѣчная, праведная. Аминь“*. Послѣ этого мать зарываетъ нитку въ землю или снѣгъ на задворкахъ и плюетъ на мѣсто три раза, а придя въ домъ, крститъ ребенка и укладываетъ его спать, причемъ не отходитъ отъ него до тѣхъ поръ пока не прочитаетъ трехъ разъ молитву *„Да воскреснетъ Богъ“...*, если знаетъ, или *333 раза* „Господи, помилуй“ [1]).

Однако, не однѣ матери прилагаютъ свои заботы о дитяти, а и всѣ находящіеся въ домѣ: каждый старается пособить труженицѣ-матери кто чѣмъ можетъ, и часто можно видѣть трехлѣтнюю малютку, которая дергаетъ за веревку люльки и шепелявитъ своимъ, еще плохо работающимъ, язычкомъ какую-либо слышанную имъ отъ матери колыбельную пѣсенку, или какія либо свои непонятныя слова, стараясь усыпить своего братишку или сестренку. Дѣйствительно, рѣдкій у насъ не знаетъ какой либо колыбельной пѣсни, которую или слышалъ самъ отъ своей матери или няни, и которую самъ впослѣдствіи распѣвалъ, укачивая ребенка.

Мною собрано черезъ ребятъ учениковъ 98 колыбельныхъ пѣсенъ, которыя распѣваются въ одномъ изъ уголковъ Покровскаго уѣзда и вотъ я, сравнивъ ихъ съ колыбельными пѣснями, помѣщенными въ книгѣ у Шейна: „Русскія народныя пѣсни“, представляю здѣсь изъ нихъ 23, которыя я не нашелъ у Шейна, или которыя представляютъ весьма значительный варіантъ.

Колыбельныя пѣсни.

№ 1.

Баю, баюшки, баю!
Не ложися на краю:
Придетъ сѣренькій волчекъ,
Схватитъ тебя за бочекъ,
Онъ утащитъ во лѣсокъ
За малиновый кустокъ,
Тамъ положитъ на пенекъ
И разрубитъ поперекъ.
Придетъ кошечка играть,
Будетъ крѣпко тосковать,
Станетъ Ванюшку искать,—
Нужно дѣткѣ крѣпко спать.

Андрей Коротковъ, д. Стараго Сельца, Аргуновской вол.

№ 2.

Баю, баюшки, баю!
Не ложися на краю:
Съ краешку-то упадешь,
Головушку ушибешь,

[1]) Сообщ. Александра Морозова, с. Аннино.

А ложись въ середочки
Въ золоты пеленочки.

Александръ Глазуновъ, с. Селиваново.

№ 3.

А, баю, баю, баю!
Сидитъ воронъ на бую
И играетъ во трубу.
Звонко трубушка играетъ,
Сонъ, дремоту нагоняетъ.
Спи, дитя мое, усни,
Угомонъ тебя возьми!

Ал. Глазуновъ.

№ 4.

Баю, баюшки, баю!
Не ложися на краю:
Съ краю яма глубока.
Тамъ мышки жили.
Одна мышка околѣла,
Всему міру надоѣла.
Пришли ермаки,
Понадѣли колпаки;
Одинъ ермакъ
Не надѣлъ свой колпакъ,
Пошелъ на базаръ,
Всему міру разсказалъ,
Что колпакъ свой не надѣлъ:
Въ немъ онъ рученьки погрѣлъ.

Павелъ Богуновъ, г. Киржачъ.

№ 5.

Ой, баиньки, баиньки!
Купимъ Колѣ валинки,—
Ходить по заваленкѣ.
Коля валенки не носитъ,—
Все сапожки себѣ проситъ.

Н. Кулачихинъ, д. Илькино.

№ 6.

До, ре, ми, фа, соль!
Милый мой косой,
Поѣхалъ по соль,
Соли не купилъ,—
Лошадь утопилъ,
Дѣтку увидалъ,
Крѣпко спать заказалъ.

Н. Красавинъ, д. Антонки.

№ 7.

Донъ, донъ, донъ!
Кричитъ дядя Симіёнъ.

Ло, ло, ло!
Кричитъ дядюшка Зевло.
Ре, до, соль!
Михаилъ косой
Поѣхалъ жениться,
Привязалъ корытце.
Корытце болтается
Вася улыбается;
Корытце трясется —
Васинька смѣется.
Корытце упало
Спать Васинькѣ приказало.

Ник. Сударикова, д. Туркп.

№ 8.

Разъ, два, три, четыре,
Всѣ извозчики въ трактирѣ,
Чай пьютъ, чашки бьютъ,
На столъ денежки кладутъ,
Дѣткѣ спать не даютъ.

Ив. Кулева, д. Бехтерево.

№ 9.

Разъ, два, три, четыре.
Меня грамотѣ учили:
Ни читать, ни писать,
Только по полу скакать.
Я скакала, да плясала,
Себѣ ноженьку сломала.
Мой то тятенька узналъ,
За волосья оттаскалъ,
А маменька увидала,
Еще пуще отодрала:
Не шали, не скачи,
Лучше грамоту учи!
Не учи-тко такъ, родная,
Заживетъ нога больная,—
Дай хоть лучше пирожокъ,
Чтобъ я выучилъ урокъ;
Теперь люльку я качаю
Малыша Ваню качаю.
Спи, Ванюшка, шалунокъ,
Дай мнѣ выучить урокъ!

Костякова, г. Киржачъ.

№ 10.

Качъ, качъ, качъ!
Купи, дѣтка, мнѣ калачъ,
А отцу подлецу
Горьку луковицу.

Скудина, г. Киржачъ.

№ 11.

Качъ, качъ, качъ!
Ты, дитя мое, не плачь:
Придетъ дѣдушка—ковачъ,
Принесетъ тебѣ калачъ.
Разъ, разъ, разъ!
Придетъ бабушка сейчасъ,
Разсказать дѣткѣ разсказъ:
Про лысаго князя,
Про киску прибиту,
Гвоздикомъ пришиту.
Разъ, разъ, разъ;
Куплю дѣточкѣ калачъ
Крупитчатый, пересыпчатый.
Будетъ кисынька глядѣть,
Какъ Ванюшка будетъ ѣсть.

Гуськовъ, д. Бехтерево.

№ 12.

А, ку-ку, ку-ку, ку-ку!
Разскажу я сказочку:
Про звѣзду алмазочку,
Про улиточку горбату,
Да про бѣлочку мохнату.
Ужъ ты спи-тко, сынка, спи,
Угомонъ тебя возьми!

Лименовъ, д. Турки.

№ 13.

Галки, вороны,
Всѣ ли вы здоровы?
Одна галка нездорова,—
Себѣ ногу наколола:
У царева кабака
Была яма глубока,
Тамъ галки дралися,
Въ яму сорвалися.
Спи, красавчикъ, мой скорѣй,
А то галка изъ сѣней
Прилетитъ въ кроватку
Укладывать лапку.

Марія Грибкова, г. Киржачъ.

№ 14.

Такъ, такъ, трита-такъ!
Старикъ нюхаетъ табакъ.
Говорили старику:
Ты не ѣзди на рѣку,—
Тамъ погода велика—
Занесетъ старика;
У Егорки-жъ на задворкахъ

Два нищихъ дерутся,
Сумочки трясутся,
Кусочки летятъ,
А ребята-то кричатъ
Эхъ, и кто не спитъ
Того нищій утащитъ.
Спи, касатикъ мой, скорѣй,—
Погоню всѣхъ изъ сѣней!

Блиновъ, г. Киржачъ.

№ 15.

Та-та, три-та-та!
Проѣзжали два быка
Чрезъ поповы рукава
На зеленые луга.
Тамъ дѣвица спала
До бѣлаго свѣту,—
Денегъ у ней нѣту,
Сережки надѣты
Словно двѣ коклетки.

Сударикова, д. Турки.

№ 16.

Три-та, ти-та, три-та тамъ!
Сѣла баба въ барабанъ,
Поѣхала по лугамъ,—
Навстрѣчу ей гости
Ѣдутъ глодать кости;
Кричатъ: баба, подожди,
Отдай наши пироги,—
Пироги съ начинкой,
Съ телячьей овчинкой,
Съ лукомъ, съ перцемъ,
Съ кошачьимъ сердцемъ,
Краишки загнуты,—
Онучей надуты,
Снизу поджарены,
Гущей обмочены!
Синцы мои, брынцы!
Мужики на рынцы,
Бабы на рѣшеткахъ
Щелкаютъ орѣшки,
Дѣвки въ сарафанахъ,
А парни въ кафтанахъ,
Ходятъ вокругъ елки,
Играютъ въ метелки.
Шумъ угомонится,
Сыночикъ проснится.

Сударикова.

№ 17.

Три-та, три-та, три-та-та!

Приходила въ ворота
Наша Дарьюшка-душа.
Пошла она по́ воду,
Нашла мѣшокъ солоду.
Заварила бражку,
Кликнула Дуняшку.
Вотъ Дуняшка-то бѣжитъ,
Сарафанъ на ней шумитъ:
Сѣла подъ божницу,
Взяла солоницу,
Къ ней Дарьюшка подошла,
Солоничку отняла,
Притащила бражку,—
Угощать Дуняшку.
Дуняшка, Дуняшка!
Сладка-ль моя бражка?
Сладка медовая:
Въ печи не бывала
Подъ лавкой стояла.
Мышка услыхала,
Въ сѣни побѣжала,
Подъ дверку попала
Шелъ дѣдушка Трофимъ,
Дверью мышку раздавилъ.
Мышка сѣра померла.
Всѣмъ котамъ кума была.
Пошли мышку хоронить,
Въ колокольчики звонить.
Прибѣжалъ котъ Васька,
Собачка-Мордашка,
Курица Улита,
Кочетъ-Никита.
Поднялся гвалтъ на дворѣ;
Затрещалъ сверчекъ въ избѣ.
Услыхалъ гвалтъ дѣдъ Трофимъ,
Побѣжалъ на дворъ одинъ;
Взялъ онъ Васиньку-кота
Поперекъ живота,
Собаку Мордашку
Ухватилъ за ляшку.
Курица Улита,
Кочетъ-то Никита
Пуще заоралн,
По двору помчали,
Подбѣжали къ тыну,
Разсказали сыну,
Сыну—пѣтушишку,
Что убили мышку.
А дѣдушка Трофимъ
Посадилъ кота на тынъ.
Котъ-то тынъ переломилъ,
Всю скотину задавилъ:
И быка толстяка,
Жеребенка третьяка,
Борова Василью,

И свинью Ховронью,
Курицу Улиту,
Кочета Никиту,
Сына ихъ Петрушку,
Да рябую Клушку.
Три-та, три-та, три та-та,
Спать ужъ Дарьюшкѣ пора!

Зап. за няней *Маріей Ив. Петровой*, г. Киржачъ.

№ 18.

Лягъ, дитя мое, усни,
Угомонъ тебя возми!
Будешь, Даша, умница
Велика разумница.
Ты поѣдешь по снопы
На высокой лошади,
На точеныхъ ножкахъ,
На дубовыхъ дрожкахъ.
Дрожки покатилися
За пень зацѣпилися.
Даша встала на пенекъ,
Простояла весь денекъ,
Пришелъ сѣренькій котокъ,
Кудреватенькій лобокъ.
Сталъ онъ дочку унимать,
Ей конфеточки давать.
Ужъ я сѣрому коту
За конфетки заплачу:
Шубку лисью я сошью,
Да на улицу пущу,—
На великій постъ
Дамъ ему я рѣдки хвостъ.
Будетъ котинька жевать,
Въ зыбкѣ Дашеньку качать.
Ужъ какъ этотъ ли котокъ
Повадился въ погребокъ,—
По сметану, по творогъ.
Встанешь Дашенька отъ сна
И поймаемъ мы кота.
Блудню бить будемъ съ тобой,
Приговаривать, да наказывать:
Не ходи-ка сѣрый котъ
По сметану, по творогъ.
Моя Дашенька умна—
Она баиньки легла.
Спи, спи, спи, дитя, усни,
Угомонъ тебя возми!

Зап. за няней *Аграфеной Гуськовой*, г. Киржачъ.

№ 19.

Пошла Дуня по мякину,
Нашла сынушку Якима.
Ужъ ты, сынъ, ты, Якимъ,

Не ходи опять за тынъ,
А сошей мнѣ сарафанъ
Чтобы мать твою казалъ.
Но ни дологъ, ни коротокъ,
Мнѣ не по лѣсу ходить.
Грибы, ягоды носить,
А ходить по гостямъ,
Проѣхаться ко сластямъ.
Я сластей наберу
И тебѣ принесу.
Ты, Яшенька, спи, спи!
Сыночекъ, усни, усни,
А то волкъ придетъ
На спинѣ унесетъ!

Марія Кулешова, д. Бехтерево.

№ 20.

Ѣздилъ попъ на мельницу—
На нашу бездѣльницу,
Видѣлъ тамъ диковинку,
Вотъ таку штуковинку:
Козелъ то тамъ мелетъ,
Коза муку сѣетъ,
Козлятишки-ребятишки
Въ скрипочку играютъ,
Собакъ натравляютъ.
Собаки-то злыя,
Попа укусили.
Попъ-то испугался,
На полать взобрался,
Испугалъ онъ животы,
Что сидѣли у печи:
Курицу да пѣтуха,
Что задали трепака,—
Курица на улицу,
А пѣтухъ-то на чело,—
Вышло дѣло ничего.
Улю лю, улю-лю,
Спи, иль пѣтуха пришлю!
Онъ съ чела спрыгнетъ
Въ твоей зыбочкѣ уснетъ.

Шишовъ, с. Селиваново.

№ 21.

Ѣхалъ попъ Макарій
На клячушкѣ карей,
Пріѣхалъ онъ къ лѣсу,
Глядитъ—грибовъ нѣту,
А козелъ стоитъ,
Дрова пилитъ,
А коза-то подаетъ,
За подолъ себя деретъ,
А козлята въ дудки

Поютъ прибаутки.
Мышка тутъ бѣжала,
Подъ ноги попала.
Мышку раздавили,
Къ попу потащили.
Попъ-то испугался,
Какъ шальной умчался.
Прилетѣли мухи,
Взяли мышку въ руки,
Сѣли горевати,
Мышку вспоминати,
Комаровъ вскричали.
Комары-то гладки
Купили салазки,
Стулъ, да лопату,
Корову горбату,
Жеребеночка съ хвостомъ—
Погоняй его пестомъ.
Прибѣжали утки
Слушать прибаутки,
Закричали пѣтухи,
Моё, дитятко, усни!

Шишовъ.

№ 22.

Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ палецъ отрубилъ.
Изъ пальчика кровь идетъ,
А деревня то реветъ.
Тутъ и Гришка,
Тутъ и Мишка,
Тутъ и дѣдушка Власъ
Всѣ глядятъ, что на задворкахъ
Жеребеночекъ увязъ.
Жеребенокъ разгасился,
На немъ ѣхать не годится
Тпру! Стой у крыльца,
Давай выпьемъ винца,—
Тебѣ спать, милый, пора!

Гуськовъ. д. Бехтерево.

№ 23.

Тараканъ дрова рубилъ,
Себѣ голову срубилъ.
Его муха поднимала,
Животъ, сердце надорвала.
Камаръ затрубилъ,
Кошкѣ ногу отрубилъ.
Кошка плачетъ и реветъ,
За татарина нейдетъ:
У татаръ-то черна харя,
Надо мыла покупать,—
Черну харю отмывать
Камариха завопила,

Пошла, баньку затопила.
Блоха вѣники мочила,
Вошка парилася,
Перепарилася.
Съ перепару вошь упала,
Объ ушатъ бокомъ попала,
Изувѣчилася, искалѣчилася.
Жукъ погнался за попомъ,—
За старинным за клопомъ.
Комариха завопила,
За сверчками покатила.
Сверчки-то—дьячки,
А паукъ-то—дьяконъ,
Пузо большое,
Борода лопатой,
Спиною горбатой.
Сверчки жука захватили,
Однимъ мигомъ прикатили.
А большой-то клопъ,
Что зовется попъ,
Паука нагналъ
И съ нимъ въ баню прискакалъ.
Затянули пѣсню,
Подъ то инда треснулъ,
Стали вошку хоронить,
Во всѣ *колкалы* звонить.
Барабанщикъ молодой
Купилъ козу съ бородой
Тоже прицѣпился,
За причтомъ пустился.
Бѣгла курица съ ведромъ,—
Подралася съ пѣтухомъ.
Пѣтухъ закричалъ
Въ хороводъ тотъ же попалъ.
Шелъ козелъ въ поркахъ,
Въ шерстяныхъ носкахъ.
Увидалъ онъ кутерьму
Потянулъ онъ всѣхъ въ тюрьму.
Проходили утки,
Затянули въ дудки.
Увидали гуси,
Гуси лохматы,
Лапы мохнаты,
Закричали: ай, разбой!
И помчалися домой,
А въ воротахъ быкъ торчалъ,
На рога онъ ихъ принялъ,
А корова сзади
Закричала дяди.
Дядя—жеребенокъ,
Тетка-то—теленокъ
Жили во клѣтушкѣ
У свиньи въ избушкѣ.
Весь всполошился народъ,
Что козелъ въ тюрьму ведетъ

Весь честной народъ,
Что надъ вошкой поетъ.
Стали вошку отнимать
Вѣчну память ей кричать:
Слава Богу—околѣла
Намъ давно ужъ надоѣла
Тебѣ-жъ, дѣтка, спать велѣла.

Сударикова, д. Турки.

Свящ. **Алексѣй Соболевъ.**